

Юлия Жукова

ЗАМУЖ
с осложнениями

Юлия Жукова
Замуж с осложнениями
Серия «Замуж с
осложнениями», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41817130

SelfPub; 2024

Аннотация

Альтернативное будущее, в котором людям удалось прорваться в космос и плотно там обосноваться. Народы Земли расселились по далеким галактикам и проводят отпуска на курортных планетах. И кто бы мог подумать, что, казалось бы, простой полет, всего лишь сопровождение группы детишек на курорт, обернется для героини таким приключением. Страшные инопланетные пираты, захват в плен и предательство соотечественников. Чужая, незнакомая культура, для которой земляне нечто особенное, приравненное к богам. И суровый капитан космических пиратов, который при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж суровым и совсем не пиратом.

Автор не преследует цели сформировать привлекательный образ нетрадиционной сексуальной ориентации и не отрицает семейные ценности.

Содержание

Глава 1 В которой награда находит героя	4
Глава 2 В которой все плохо себя ведут	29
Глава 3 В которой никто не пострадал	54
Глава 4 В которой не удаётся трогательное расставание	70
Глава 5 В которой меряют, режут и ломают дрова	88
Глава 6 В которой не всё происходит на самом деле	118
Глава 7 В которой лечатся и калечатся	128
Глава 8 В которой всех укладывают спать	144
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Юлия Жукова

Замуж с осложнениями

Глава 1 В которой награда находит героя

Работать в космосе я хотела почти с института, с тех пор как стала встречаться с одним пилотом. Очень уж неудобно, когда его по два-три месяца на Земле не бывает. А так была бы романтика, он пилотирует, я за санитарией слежу. Да и платят в восемь раз больше, чем на Земле за то же самое. Но пробиться, конечно, оказалось непросто даже по блату. Уже и запал схлынул, и пилотик мой сгинул, и вот наконец я вырвалась с родной планеты на вольный воздух, вернее вакуум. (Хотя зелёные последнее время ворчат, что мы так засорили космос воздухом, что скоро уже дышать можно будет.)

Однако всё у меня вечно не как у людей, а точнее всё как всегда – тут уж кому какая философия ближе. За три дня полёта я успела перекидать об стенку столько туфель, что можно было записываться в сороконожки. Конечно, всё дело было во мне: всегда-то меня всякие мелкие несовершенства в окружающем мире раздражают. Кто угодно другой, наверное, принял бы как должное... Ну начальница противная, но

не смертельно. Ну работа не такая, как мечталось, зато платят хорошо.

А вообще за иллюминатором звёзд тьма тьмушая, если так можно выразиться. Солнышко далеко-о-о светит. Земли уже четыре дня как не видно. В стекло можно ткнуть пальцем, появится менюшка: выбирай объект, увеличивай, люби. Можно посмотреть, куда летим, хотя это ещё через два Сфинктера. (На всеобщем языке они Воротами называются, по функции, ну а наши, конечно, по внешнему сходству обозвали.)

А летим на курорт. Несколько лет назад в той системе планетку нашли с очаровательными пляжами. Атмосфера – Земля отдыхает, климат как на заказ. В общем, турфирмы, частично друг друга поистребив, наперегонки наладили сообщение и теперь гоняют туда по два звездолёта в день. Лететь долго, конечно, почти неделю – за это время можно и до Гарнета добраться, но там уже всё застроено...

Так вот, начальница моя, госпожа Дюпон, канадка средней степени упитанности, ухитрилась выбить из Всемирного фонда до- и внешкольного образования какие-то средства, чтобы организовать на Кинине детский лагерь. А я у них подвигаюсь бортовым врачом. И везём мы первую партию детишек на двухмесячное пребывание.

На мой привередливый вкус, с этой работой вообще всё не так. Во-первых, меня зачем-то загнали в ассоциацию парамедиков, хотя я вовсе не парамедик, а хирург с междуна-

родным сертификатом. Но бейджик носить надо обязательно. Во-вторых, я впервые лечу на этот самый курорт вместе с детьми, хотя по идее в число моих должностных обязанностей входит проверять санитарное состояние лагеря до прибытия отдыхающих. Очевидно, кого-то жаба задушила меня отдельным рейсом посылать. В-третьих, помимо залечивания болячек у несовершеннолетней части населения корабля в мои функции почему-то входит полное обслуживание начальницы, типа принести-подать, записать в ежедневник, позвонить-написать, посчитать и поговорить. Я вообще-то не секретаршей нанималась. Однако я успокаиваю себя тем, что всё-таки лечу, наконец-то лечу. На вечер у меня остаётся только одна обязанность – принести мадам её витамины. А после этого можно спокойно уткнуться в иллюминатор в предвкушении. Осталось уже не так много.

* * *

Мадам Дюпон вместе с главой Всемирного многопафосного расположились в уютной маленькой переговорной. Им туда уже и кофе кто-то принёс, и даже не я. Главу я пока что только издалека видела, но смотреть там особо не на что. Мелкий мужичонка за пятьдесят, лысый, очки в палец толщиной, скрюченный, как рождественский леденец.

– А-а, Лизонька, – приветствует меня Дюпониха. На всеобщем, конечно, так не скажешь, но с её интонацией только уменьшительное и может получиться. – Познакомься с господином Квиггли.

Фиггли. Крабле бумс.

То есть да-да, очень приятно.

И конечно, смотрим мы не на лицо и даже не за декольте, а прям сразу под юбку. Кстати, среди прочих загадочных требований этой работы был ещё и дресс-код: юбка выше колена. Теперь понимаю, зачем.

– Вот, – говорит мадам Дюпон, – наш бортовой медик, высококлассный специалист, обеспечивает безопасность детей.

– Да-да, – бормочет глава. – Да-да, обеспечивает, я вижу.

А он умнее, чем кажется. Всё-таки, чтобы такой фонд возглавлять, надо в голове что-то иметь. И в то, что я специалист, он не поверил. Я бы и сама не поверила. А вот в то, что у меня венерических должно быть с полдюжины, я бы поверила легко. Ну хотя бы ноги мои ему понравились. И в любом случае раньше надо было смотреть, дядя. Не разворачивать же теперь звездолёт.

– Спасибо, Лизонька, можешь идти.

Ура, бегу.

За спиной, слышу, Квиггли ворчит:

– Я вообще-то говорил о другого рода безопасности. Мы ведь недалеко от Гарнета, не боитесь неприятных встреч? Джингоши, муданжцы... Не самое благополучное окружение...

На этой оптимистической ноте я перестаю его слышать.

* * *

Из мемуаров Хотон-хон

Было хорошо известно, что по статистике этот регион – третий во Вселенной по терактам. Однако от солидной фирмы можно было бы ожидать безопасности на уровне. Впрочем, с учётом их кадровой политики, можно было предположить, что и другие организационные моменты отразились больше на бумаге, чем на деле. Но человек склонен полагаться на счастливый случай.

** * **

Возвращаюсь к себе, бодро размахивая подносом. Мадам на сегодня оставила меня в покое, так что я уже предвкушаю, как поставлю чайку, включу себе сериальчик да вязание достану, и тут нас хорошенько встряхивает.

Я сначала подумала, что это меня шатает от какого-нибудь перепада. Новичок в космосе либо всего боится, либо на всё плюёт, дескать, чего тут только не бывает. Я, правда, в детстве летала и ничего такого не припомню. Хватаюсь за стенку. До Сфинктера вроде бы ещё полдня лететь, а на перегонах так трясти не должно. Корабль швыряет в другую сторону, и я теряю стенку и поднос. В такие моменты понимаешь выражение «пол ушёл из-под ног». Как бы я прекрасно обошлась без этого знания! Прикусывать язык мне совсем не понравилось. А в следующий момент мой собственный поднос вмазывается мне же в висок.

Свет померк. Сначала думала, что сотрясение, но нет, не так меня сильно шандарахнуло: включается аварийный. Да только хозяева опять пожадничали: за углом загорелся, а во-

круг меня нет. Кстати, мне всегда было интересно, аварийный свет делают красным специально, чтобы было страшнее переживать аварию? Собираюсь соскрестись с пола и пойти в каюту, пристегнуться, ругаясь, что по громкой связи не поступает никаких инструкций.

Но встать не успеваю, в проходе появляется тень. С красной подсветкой выглядит жутковато. Хоть бы шприц с собой был с чем-нибудь седативным... Тень обретает плоть, много плоти, и вот уже надо мной возвышается громада...

Первая мысль – на борту у нас такого человека нет.

Вторая – у него в руках нечто огнестрельное, а за спиной ещё одно. Чтоб Квиггли сдох со своими опасениями!

Дальше думалка отключается, остаётся только головная боль.

– Где кто-нибудь из начальства? – спрашивает оно... это... пришлое.

– Дверь в конце коридора. Код 551, – ещё не хватало мне за этих раздолбаев заступаться. Нет, со мной что, правда случилось что-то из выпуска новостей? Врач с Земли в заложниках у...

Вжавшись в стенку, я исподтишка провожаю взглядом группу невероятно высоких мужиков, топающих в сторону переговорной. Надо уже включать думалку. Запомнить их в лицо, что ли. Да хоть понять, кто они такие! Может, на сделку пойдут...

Дверь отъезжает в сторону, раздаётся растерянное «Ой, кто это?» Дюпонихи и какой-то хрип со стороны Квиггли. Пришельцы ведут себя тихо. В аварийном свете из переговорной на рукаве у одного блеснул значок: строчная m с хво-

стиком-стрелочкой, как зодиакальный скорпион.

Муданг.

Я беззвучно выдыхаю. Чувство такое, как на экзамене, когда вытягиваешь билет, на который угрохал втрое больше времени, чем на прочие, потому что нигде не найти, что на него отвечать. Вроде с чистой совестью можешь сказать, что учил, и пару-тройку умных дядей процитировать, а толку...

* * *

Из мемуаров Хотон-хон

Про эту планету с неблагозвучным названием известно было много. Например, что муданжцы – самые умные, хитрые и опасные наёмники во Вселенной. Или что они очень крупные и сильные – но это с первого взгляда выясняется. Неизвестно, когда и как они попали на свой Муданг, а вот по геному они – помесь индейцев с монголами. Ещё известно, что у них в языке отсутствует слово «любовь». Сам язык преподаётся на Земле в космических колледжах, где два года положено повышать квалификацию всем, кто хочет работать в космосе. В столичном колледже был обязательный курс малого инопланетного языка по выбору; ходили слухи, что преподаватель по муданжскому ставит зачёт всем без разбора. В таком раскладе, конечно, запоминается не много.

* * *

Слева пару раз полыхает с тихим шорохом. Это они расстреляли переговорники. Потому что мне очень не хочется,

чтобы расстреливали людей. Я тоже смотрела весёлые боевики про космос и знаю, что любой урод может оказаться ключом к спасению всей команды...

Из переговорной выходит самый высокий муданжец и направляется ко мне. Я наконец-то встаю и даже вооружаюсь подносом, хотя ежу ясно, что этот мужик меня может волоском перешибить и не заметить. Когда он подходит совсем близко, я понимаю, что можно было и не вставать — с высоты его роста сажу я или стою, не важно.

– Юная леди, всем будет удобнее, если вы примкнёте к своим землякам в той комнате, – говорит он спокойным глубоким голосом. И это террорист? Он бы ещё реверанс сделал! Нет, по мне, конечно, лучше так, чем руки заламывать! Но что-то как-то неправдоподобно... Может, это какая-то ошибка? И хотела бы я знать, прибили они мою сладкую парочку или нет? Не хочется мне в эту комнату...

Я нервно зыркаю в сторону переговорной и поворачиваюсь к пришельцу. Не знаю, какой средневековый знахарь лечил ему ожоги на лице, но я бы ему руки пооборвала, ибо всё равно не в том месте росли... Может, ему предложить врачебную помощь? Но шрамы старые, я ничего не смогу сделать. И вот тогда мне точно финдец. Как же отмазаться?! Ма-а-а-мочка-а-а... Дети... О!

– Я бы с удовольствием, – начинаю я намного более уверенным голосом, чем ожидала, – но я обязана быть рядом с детьми. Я сюда только на минутку зашла... Понимаете, я врач. Если кому-то из них станет плохо, то это вам же создаст лишние трудности. Вам ведь дети нужны... – Я утихаю в страхе что-нибудь ляпнуть.

– Живыми, да, – договаривает он за меня. Лапочка моя, ну давай... – Значит, вы умеете лечить?

– Да, да! – я энергично киваю. Хорошо, что он так хорошо говорит на всеобщем. С лёгким таким акцентом, как будто нарочно заставляет этот вялый язык звучать чётко.

– *Женщина?* – с недоверием переспрашивает другой подошедший муданжец на своём родном. Я ещё что-то помню по-муданжски... А что им не понравилось?!

– *Старый Угун говорил: «От землян жди неожиданно-стей»*, – отвечает ему мой собеседник и снова поворачивается ко мне. – Мне это нравится. Идите к детям. Алтонгирел вас проводит.

Это имя, осознаю я.

Алтонгирелу эта идея, впрочем, не особо нравится.

– *Азамат, да она же просто вы... выаается!*

Чего я делаю, я не поняла. Слова этого не знаю...

– *Ну и пусть вы... выаается. Если ей с детьми спокойнее, то пусть сидит с детьми, под ногами мешаться не будет. И нам не придётся на них человека тратить.*

Алтон... э-э-э... гирел (вспомнила!) не находит, что на это возразить, и велит мне идти к детям, а сам плетётся следом. Он вряд ли знает, куда идти, но пользоваться этим мне незачем. Если меня посадят с детьми, которые им нужны живыми – сами же сказали, – то я буду вроде как при деле. Может, ещё и не убьют. Может, им за меня выкуп дадут...

Детей всех согнали вместе, и вой стоит оглушительный. Алтонгирел объясняет двум парням на входе в «детскую», кто я такая, сопроводив моё резюме парой непонятных эпитетов в адрес Азамата. Парни присоединяют к имени Азамата какое-то слово (Ахмат, что ли, – как татарский царевич?), которое явно означает, что он тут главный. Меня весьма об-

надёживает мысль, что моё предложение понравилось капитану.

Дети всё-таки удивительные существа. Своих у меня нет, но я, как-никак, уже пять лет практикую, да и в студенчестве нянкой подрабатывала. Стоит на секунду отвернуться, как они умудряются получить по несколько травм разных степеней опасности в совершенно безопасном окружении! Синяки я даже осматривать не стала, тут можно с уверенностью сказать, что они есть у всех и во множестве, хотя у детской мебели на борту вообще нет углов и твёрдых граней. Видимо, надо было стены войлоком обить. Попалась пара расквашенных носов – упали на бегу. Ещё несколько носов кровоточат на нервной почве. Почти все подопечные ревут, трут глаза грязными руками... В общем, бедлам. Но зато я – полезный член общества. Может быть, мне поставят памятник на детской площадке около дома. Мне крупно повезло, что шкафчик с медикаментами именно в этой комнате, а то пришлось бы с мрачными парнями на входе объясняться.

Когда потребность в неотложной помощи временно иссякает, я завариваю всем, включая себя, успокоительного чайку и наконец позволяю себе расслабиться. Младшие отрубаются на диване и на мне, старшие собрались кучками по углам, понимая, что я им больше ничем помочь не могу. Я приспособливаюсь гладить каждой рукой по три головы одновременно, чем вызываю уважительные взгляды у охранников.

Видимо, поверили, что я и правда врач.

Охранники оба пониже капитана, но тоже под два метра. Один стриженный почти в ноль в отличие от прочих муданжцев, которых я успела рассмотреть. И капитан, и А-лтонги... рел (всё ещё помню!), и второй охранник могут похвастаться прекрасными чёрными гривами.

Зажигается свет. Я подскакиваю, ненарочно бужу нескольких детей. Те, которые не спали, тоже напрягаются. Несколько минут мы все ждём, что что-то вот-вот случится, но оно не случается. Наконец появляются ещё несколько муданжцев с матрасами и пледами. С ума сойти, какой сервис! Всё-таки что-то не так с этими террористами. Какое-то время все стелются, постепенно расслабляясь обратно, и я даже ухитряюсь проспать эту ночь – впрок, мало ли что.

Следующий день тянется и не кончается. В космосе принято менять освещение и пейзажи в декоративных окнах в соответствии с земными сутками, по Гринвичу. Считается, что так людям легче подолгу летать. Поскольку у меня обычно дежурства сутки через двое, мне эта смена дня и ночи глубоко безразлична, солнца я и на Земле не замечаю. Зато сегодня я выучила все варианты освещения Фудзиямы, электронная фотография которой висит ровно напротив моего дивана.

Нас кормят сухим пайком три раза, чай можно сделать прямо в комнате. Три ванных-туалета, совмещённых по иди-

отскому европейскому стандарту, обеспечивают комфорт и чистоту. Днём двое муданжцев под предводительством Алтонгирела принесли мои и детские вещи, так что можно переодеться и заняться хоть чем-нибудь. Книжки там почитать, в игрушки поиграть... Но никто не читает и не играет, как я их ни уговариваю: все слишком нервничают. Так что я достаю вязанье и демонстративно усаживаюсь с ним посреди комнаты, пытаюсь подать пример. И подаю, часов шесть с перерывом на ужин. Не добиваюсь этим ничего, кроме того, что охранники меня ещё больше зауважали. Ну, тоже неплохо.

Вечером хожу от ребёнка к ребёнку, поправляя одеяла и уверенно бормоча, что всех нас вернут домой в целости. Присаживаюсь около маленькой девочки, которая уже спит, потом прислоняюсь к стене, больше не пытаюсь заставить работать раскисший от скуки мозг.

– *Этого не было в договоре*, – доносится до меня раскати-стый голос капитана из холла напротив нашего. Я настораживаюсь: вот только ещё ссоры наёмников с работодателем мне не хватало.

– *А чего ты хотел? Это же джингоши!* – раздражённо отвечает ему Алтонгирел. Нетбук пищит, соединяясь.

– Соччо, я тебя внимательно слушаю, – Азамат, очевидно, звонит нанимателю. Так это что же, эти наёмники работают на других? Джингоши ведь тоже наёмники... Ничего не понимаю.

– Азамат, как всегда хорошего из себя строишь? – слышится скрипучий голос заказчика. – Земляне не верят, что детки у нас. Доказательств требуют. Если хочешь получить денег за эту работу, давай мне доказательство. У тебя их там за сорок! Давай, напугай Земное сообщество.

– Я не убиваю заложников, – отрезает Азамат. – И в договоре это было прописано, иначе я бы не согласился на это дело. Мы можем прислать им видео, но не труп.

– А как насчёт ушей? Или пальчиков? Нас не воспримут всерьёз!

– Соччо, я сказал: нет, – заключает Азамат спокойно.

– Значит, деньги тебе не нужны. И репутация не дорога?..

Что они говорили дальше, я не слышу, потому что крадусь к иллюминатору. Мне показалось, что там маячит какой-то корабль. И точно, вот он, красавец. Я увеличиваю изображение и вижу два скрещённых полумесяца – знак джингоши. Корабль, похожий на черепаху, бурый и грубовато сработанный, медленно вращается среди звёзд. Ну и что с нами теперь будет? По крайней мере, муданжцы нас не убьют. Но вот перспектива вернуться к цивилизации отдаляется...

На всякий случай решаю собрать вещи. Мало ли, ещё погонят сейчас куда-нибудь. Стягиваю со своего матраса наматрасник и сгребаю в него все лекарства из шкафчика заодно с портативным диагностическим сканером и прочими капельницами. Потом распахиваю разбросанные детские вещи по сумкам, которые им отдали днём. Джингошский корабль

в иллюминаторе как будто сменил конфигурацию, став круглее. За дверью слышится топот. Я тихонько стучу в неё, чтобы узнать у охранников, не надо ли будить детей. Никто не отвечает, и я дёргаю ручку. Оказывается открыто. Они нас даже не заперли? Супер!

Охранников нет. Отчётливо осознавая, что поступаю очень неправильно, я иду по коридору до угла. Никого. Господи, ну не бросят же они нас на произвол этим джингошам! Неужели не ясно, что те нас перережут?! Или Азамат просто хочет, чтобы на *его* репутации это не сказалось, а так ему на нас плевать?

Внезапно из-за угла выскакивает Алтонгирел. Понимая, что спалилась, я прямо спрашиваю:

– Что проис...

– Отвали! — следует краткий ответ, и он чешет дальше на хорошей скорости. Вот так вот. Пленница разгуливает, но всё так плохо, что ему не до этого. Чёрт, что же делать?!

Не придумав ничего лучше, я кидаюсь за ним. Может, у них ещё какие-то проблемы, и они про нас забыли? Очень уж страшно сидеть в неведении.

Топот ног впереди по коридору приводит меня в среднюю часть корабля между двумя выходами. Ворота плотно закрыты, а вот один из иллюминаторов в потолке аккуратно вырезан и к нему присосалась герметичная труба с лестницей, по которой, очевидно, можно попасть на муданжский корабль. Его яркое брюхо видно через соседние иллюминаторы: по-

добно гигантскому жуку он сидит на нашем звездолёте, обхватив длинными суставчатыми лапками нашу «гантелю» за перемычку посередине.

Муданжские корабли все похожи на насекомых, нам их в колледже показывали. Этот, по идее, должен вмещать до ста человек. Муданжцы группами больше, чем по пятнадцать-двадцать, не летают. Нас сорок семь детей и я. Ну ладно, допустим, у нас есть путь к отступлению. Дышать становится легче.

Я возвращаюсь в детскую без приключений. Пару раз через переборки было слышно какую-то невнятную ругань, но навстречу мне никто не попался. Гляжу в иллюминатор. Джингошский корабль продолжает трансформироваться. Теперь у него вырос блестящий хвост, которым он постепенно поворачивается к нам. Стоять, ребята. Это же ствол.

– ПАДЪЁО-О-О-ОМ! – я взрываю сиреной, не успев даже подумать, что делать дальше. Дети подсказывают, никому даже в голову не приходит попросить ещё пять минуток. Я еле вспоминаю про свой мешок с лекарствами, отряжаю старших идти вперёд и слушать мою команду и гоню своё стадо на выход. Пульсация в висках успешно подавляется уговорами, что я – главная героиня этого весёлого боевика с хэппи-эндом, так что у меня всё будет отлично.

Мы проносимся до лестницы за считанные секунды, так все перепугались моих истошных воплей. У лестницы возникает затор, младших приходится передавать на руках, но

мы успеваем. Я влезаю последней, и тут люк с издевательским шипением закрывается. Ноги у меня не подкашиваются только потому, что падать некуда – везде несчастные дети!

– Ребят, – я снова прибегаю к помощи моих старших. – Ищите открытые двери, загоняйте всех по каютам. Хотя по-многу, но чтобы без пробок в коридоре.

Каюты, впрочем, все оказываются заперты, зато в одном из отнорков мои шустрые подростки находят некое подобие гостиной, куда мы всех и загоняем. Там тёплый, приглушённый свет и на удивление уютно.

– Ну вот и знакомая обстановка, – говорит кто-то из детей. – Тоже диваны и журнальные столики.

Что ж, по крайней мере, муданжцы не пренебрегают комфортом.

Тут нас подбрасывает, и в иллюминаторах становится неожиданно светло. Я чувствую в голове приятную ватную лёгкость и вспоминаю какие-то школьные стихи про малый сабантуй. В коридоре, по которому мы пришли, раздаются дикие вопли, что-то совершенно первобытно-звериное, потом всё стихает.

Я обнаруживаю, что лихорадочно прижимаю к груди свой мешок с таблетками, расслабляюсь, прохожусь по рядам, осматривая отдавленные ноги и прикушенные языки. Ничего неотложного, отделались лёгким испугом. Где бы тут у этих инопланетян чай заварить? А то опасность-то миновала, так я же сейчас разрыдаюсь, а это детям видеть бесполезно

– и так половина хнычет. И туалет бы найти не мешало...

Слева снова доносятся голоса и шаги, на сей раз вполне человечески. Все опять напрягаются, ожидая, что будет дальше.

А дальше драматический театр. Азамат и Алтонгирел входят в гостиную, не особо глядя по сторонам, и застывают как вкопанные. Я решаю не вставать, потому что не доверяю своим ногам, но встречаю изумлённый взгляд нашего капитана. Мне только мерещится эта романтическая бледность? И кто ж ему всё-таки рожу так раскроил?

Оправляется он довольно быстро:

– Это все?

Я киваю.

– Что ж, замечательно.

Он подходит и присаживается рядом со мной на диван.

– Простите.

Я изо всех сил стараюсь не выдать удивления. Если он считает нужным извиниться, я не буду его разубеждать! Но что, чёрт возьми, происходит?!

* * *

Из мемуаров Хотон-хон

Джингоиши тоже были инопланетными наёмниками, но их принципом было «сила есть – ума не надо». Они брали количеством и агрессивностью, не особенно заморачиваясь со стратегией.

Два века назад джингоишский император Микан захватил

Муданг, о чём на Земле как всегда ничего не знали. С тех пор и вплоть до недавних событий муданжцы были вынуждены скрепя сердце подчиняться корыстному и жестокому джингошскому наместнику Куре. На наёмников это, правда, не распространялось. Они – люди без родины.

Поэтому у Азамата не было особых причин беспрекословно подчиняться Соччо, капитану джингошского корабля, с которым они заключили договор. Дело в том, что муданжцы в совершенстве умеют прятаться в космосе. Их корабли невозможно заметить ни простым глазом, ни земными приборами до того самого момента, когда он внезапно обхватывает ваш корабль своими членистыми лапками и забирает себе контроль. Джингоши неспособны к таким хитростям, их огромные неповоротливые корабли обычно сильно освещены и заметны издалека, зато совершенно неприступны для реальных и виртуальных атак. Поэтому муданжцы и джингоши часто проводят совместные операции, используя сильные стороны обеих команд с максимальной выгодой. Муданжцы тихо умыкают корабль, а джингоши на своём бронебойном космическом танке летят выставять требования.

Однако в тот день Соччо не собирался работать за деньги. Последние годы его стал раздражать авторитет Азамата среди других муданжских наёмников, которые обычно недолюбливают конкурентов, пусть даже и земляков. Выдвижение харизматичного лидера могло привести к центра-

лизации всего промысла, а это означало бы для Соччо гораздо менее привлекательные условия. Поэтому он решил подложить Азамату свинью – вынудить его убить нескольких заложников. Азамат славился чистыми руками – дескать, ему было доступно высокое искусство вести боевые действия без потерь с обеих сторон. Но на этот раз он просчитался. Он был уверен, что у Соччо нет возможности им управлять, оба корабля – муданжский и захваченный – надёжно защищены и скрыты от глаз. Однако Соччо хорошо спланировал это дело. Он где-то раздобыл исключительно одарённого хакера, который смог, хотя бы и всего на несколько минут, дистанционно захватить управление муданжского корабля.

Джингоишские корабли известны своей медлительностью. Чтобы выдвинуть ствол для обстрела, им может понадобиться от десяти до пятнадцати минут. За это время муданжцы успели бы вывести всех с захваченного корабля на свой и раствориться в ближайшей туманности, как они это прекрасно умеют. Но хакер Соччо захлопнул люк, ведущий на земной звездолёт, и заблокировал управление кораблём. И тогда Соччо успел взорвать добычу. Все, кто оставался на земном корабле, а именно: команда, персонал турфирмы и двое муданжцев, – конечно, погибли. И Соччо праздновал победу, глядя, как позорно улепётывает муданжский корабль, унося в брюхе сорок семь детей и одну паникёршу...

* * *

– ... Он смог перехватить дистанционное управление кораблём, поэтому когда мы поняли, что он собирается взорвать захваченный корабль, то элементарно не смогли открыть люк, чтобы забрать людей, – капитан разводит руками.

Ах, вот чего они так были.

– Кто-то из ваших людей...

– Да, двое.

– Мне очень жаль.

Он смотрит на меня с лёгким недоверием, но кивает.

– Мне тоже.

Все замолкают. Даже дети боятся шушукаться. Вообще зря он всё при детях рассказал, зачем их пугать... Хотя если б мне было двенадцать, я бы тоже очень хотела знать, что случилось.

Однако неожиданно оказаться невиновным в смерти сорока семи детей – это тоже малый сабантуй. Так что дорогой капитан мне кое-чем обязан.

***Он задумывается о своём достаточно глубоко, чтобы набралась наглости его разглядеть получше, хотя бы и в тусклом свете. Несмотря на жуткие шрамы, лицо у него приятное. Он действительно похож одновременно на индейца и монгола, при общем смуглом цвете кожи. Чёрные волосы заплетены в тугую косу толщиной в две моих руки и длиной в три. Огромные ладони обожжены так же, как и лицо, если не хуже. Это ж как надо было ухитриться...

Одет он неожиданно обычно: невнятно-тёмная водолазка,

куртка из модной псевдокожи, такие же штаны. Ни кольца в носу, ни золотых цепей до пупа. Так и не скажешь, что варвар-наёмник.

– Что мы с ними будем делать? – спрашивает всеми забытый Алтонгирел, прерывая нашу с капитаном минуту молчания.

– Звонить на Землю и отдавать, – спокойно отвечает Азамат.

– За бесплатно? – уныло протягивает Алтонгирел.

– Они дадут нам вознаграждение, – заверяет его капитан, вставая. Похоже, ему не впервой чужих заложников возвращать. – Разгони их по каютам и накорми.

– И туалет покажите, – хмыкаю я.

Алтонгирел закатывает глаза.

– Пусть ими Гонд занимается, да и вообще они самостоятельные!

– Друг мой, при гостях невежливо говорить на языке, которого они не понимают, – доносится до нас голос капитана из коридора.

Глава 2 В которой все плохо себя ведут

Гондом оказывается стриженный охранник. Мы с ним довольно быстро раскидываем детей по каютам по половому признаку (раздельно) и возрастному (один к одному). Потом я им (и себе) впихиваю по горсточке успокоительного (в аптечках детских организаций всегда такие слабые препараты, что, пока две пластинки не съешь, не поможет), и скоро они все дрыхнут без задних ног.

Меня всё ещё живо интересует наша дальнейшая судьба, так что я спрашиваю у Гонда, не будет ли невыразимой наглостью с моей стороны разыскать капитана и спросить, о чём он договорился с Землёй.

Гонд слегка приподнимает брови.

– Вы можете поговорить об этом с Алтонгирелом.

– А с капитаном нельзя? – я стараюсь не очень настаивать, но Алтонгирел, по-моему, от меня устал ещё до моего появления.

Брови Гонда ползут ещё выше.

– Ну, если хотите, то можно и с капитаном...

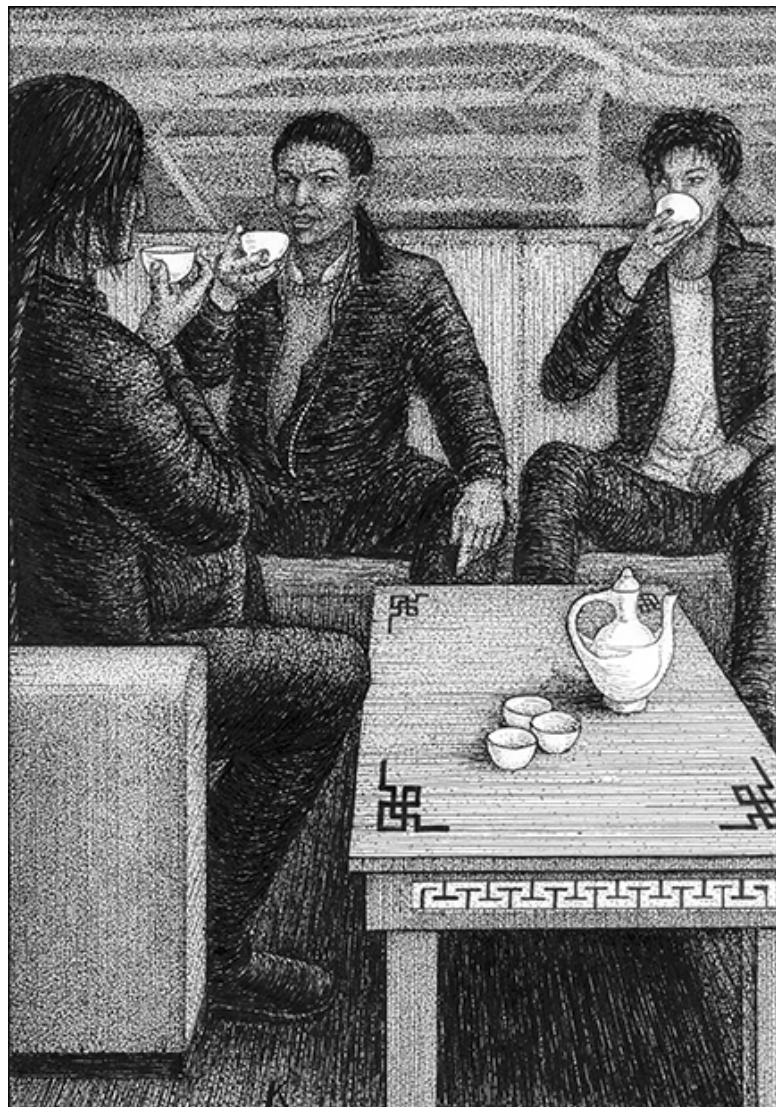
Так говорит, как будто я собралась пообниматься с особо злобной собакой.

– Вы мне не советуете к нему сейчас подходить?

– Да нет, почему, он будет рад.

Я пожимаю плечами. Видимо, я слишком устала, чтобы адекватно воспринимать действительность. К чёрту Алтон-гирела, ещё скажу ему что-нибудь неласковое случайно.

Капитан обнаруживается в той самой гостиной, где была наша временная база. С ним ещё двое полужнакомых мне мужчин. Они пьют какую-то бледную жижу из пластиковых пиал, расслабляясь после трудного дня. Ну или погибших поминают, кто их знает.

– Азамат-ахмад, – говорю я, стараясь проявить всю почти-тельность, на какую способна. Чего вы на меня так таращитесь? Что я, за два дня не могла просечь, как к капитану обращаться надо?

– Я вас слушаю, юная леди, – отвечает он, и двое других начинают хихикать. Ну и что я не так сказала? Это обращение принято только между мужчинами, что ли? Вот вечно мне надо выпендриться... Ладно, плевать.

– Я хотела спросить, удалось ли вам связаться с Землёй. Ближайший ко мне муდანжец, помоложе капитана и своего соратника, фыркает и зажимает себе рот.

– Спрашивайте, – благосклонно кивает мне капитан. Нет, я не покраснею, и не надеюсь.

– Удалось ли вам связаться с Землёй? – железобетонным голосом повторяю я. Ох уж мне эти мужские компании...

– Удалось, – отвечает он, поглядывая на меня со смешинкой в глазах. Правый уголок рта у него так сильно повреждён, что он как будто всё время ухмыляется. Жуть с ружьём. – Стыковка с земным кораблём будет послезавтра вечером, ориентировочно в восемь тридцать по Земле.

– Так скоро? – удивляюсь я. Мы же пять дней летели!

– Ну у вас пассажирский звездолёт, большой. А мы быстро бегаем, – он ставит свою пиалу на стол, берёт чистую и наливает в неё из такого же пластикового кувшина всё той же бледной жижи. Протягивает мне.

Нет, я, конечно, убедила себя не удивляться, что космические террористы со мной обращаются, как будто я их королева, но тут уже усталость сказывается – я совершенно неприлично вытаращиваюсь на капитана.

Он делает вид, что не заметил, и ставит пиалу на стол. Я подвигаю ближайшее кресло (кстати, при всей их галантности, присесть мне никто не предложил), сажусь и беру пиалу. Невежливо, наверное, от угощения отказываться, тем более если сам капитан наливает. Отхлёбываю. Оказывается какой-то травяной чай.

Только выпив половину, я осознаю, что это вполне может быть седативным или афродизиак (или два в одном, ага), и то, что я не опознаю его на вкус, ничего не доказывает – мало ли что у них на Муданге растёт. Вот дура. Это же надо так попасться. Да ещё и на корабле с дюжиной инопланетных мужиков. Нифига себе я доверчивая.

Повисшее молчание надо как-то прервать, но у меня в голове только два варианта: поблагодарить за угощение или спросить, что они мне туда подсыпали. Второе невежливо, так что выбираю первое.

– Спасибо.

Капитан моргает, как будто не понимает, к чему это относится. Краем глаза замечаю, что двое других переглядываются. Мне становится страшно.

– Что вы тут делали, так далеко от Земли? – внезапно спрашивает капитан.

– Э, ну, – голос не слушается, приходится кашлянуть. – Мы летели на курорт.

Как-то это жалко звучит. Несчастно даже.

– Курорт? Здесь? – перебивает молодой муданжец.

– На Кинине, что ли? – переспрашивает второй.

Киваю.

– Боюсь, что там теперь курорта не выйдет, – хмыкает Азамат. – По дальнюю сторону её орбиты отстроили новые Ворота, чтобы обходить Гарнет и не платить за транзит. Так что теперь тут будет оживлённо.

Ох ну ни фиги себе. Почему же у нас об этом ничего не знали?!

Капитан, очевидно, замечает мою вытянувшуюся физиономию.

– Джингоши обычно всё выбалтывают в считанные дни, но, видимо, в этот раз им удалось помолчать подольше. Но мне всё равно придётся рассказать о Воротах, когда мы вас будем передавать на земной корабль, так что не волнуйтесь.

Лапочка ты мой, предупредительный. Я даже испугаться не успела.

– Идите спать, – говорит он мне как-то по-отечески. – А то сейчас заснёте тут, а моим ребятам много чести будет вас на руках носить, юная леди.

Ну ладно, всеобщий ему не родной, мог и ошибиться, кому это будет много чести. Но это обращение... Да ведь он же не знает, как меня зовут!

– Моё имя Лиза, – говорю, вставая.

Снова пялятся все трое. Ну а с именем-то что не так?!

– Азамат, – говорит капитан. Как будто я так не знаю.

– Тирбиш, – представляется молодой муданжец около меня.

А третий молчит. Ну ладно...

Я желаю всем спокойной ночи и иду прочь, слыша, как этот третий шипит Тирбишу по-муданжски:

– *Ты зачем назвался?!*

– *Моё имя, кому хочу, тому говорю! Капитан тоже назвался.*

– *У капитана выхода не было, она ему сама представилась.*

– *Ахамба, оставь его в покое, – это уже Азамат вклинивается. Ага, значит, Ахамба... – Как будто ты в молодости красивым девушкам имя не раздавал. Да и вряд ли она умеет...*

Чего я вряд ли умею, я не поняла. У них что, имя – как номер телефона, незнакомым не дают? Ужас какой. И что, я капитана вынудила представиться? Господи, да за что ж мне эти дикари?..

Не знаю уж, как должен был подействовать этот их чай, но не подействовал никак. Завалилась я спать без задних ног, едва доплелась до своей каюты, и никакие неразрешённые загадки мне не помешали. Чтоб я дома так спала, честное

слово!

Утро начинается с приключений. Встаю, напяливаю какие-то шмотки, которые не глядя сгребла в мешок с лекарствами, выхожу в коридор, чтобы получить у кого-нибудь инструкции, в каком порядке тут завтрак. То есть я его готовить должна или у них какой-нибудь сухой паёк предусмотрен? Иду в гостиную (которая, конечно, должна называться кают-компанией, но я блондинка, мне можно). За один поворот дотуда мне попадается навстречу Алтонгирел. Замечает меня, подходит так вальяжно, опирается на стенку у меня над головой, зажав меня в угол.

Ну всё, думаю, кранты. Только бы целоваться не полез, остальное я стерплю. Уж очень рожа противная. Вроде ничего особенного, длинное такое лицо, нос с горбинкой, большие губы. Но выражение собственного превосходства над миром такое, что уж лучше шестьдесят девять.

– Иди, – говорит, – детей своих корми.

Смаргиваю.

– Чем?

– Там на кухне всё готово, а у нас есть дела поважнее, чем их из кают выгонять.

– Хорошо, – говорю, – а где кухня?

Закатывает глаза. Он это любит делать.

– Пошли, покажу, – говорит так, как будто уже в пятнадцатый раз показывает. Какие они разные, эти наёмники. Толь-

ко давайте это и правда будет кухня, а не его спальня...

Мои мольбы услышаны, это кухня, а точнее целая столовая. Меня представляют огромному печному горшку с горячим чем-то. Похоже на рагу, но поди ж его разбери. Пахнет вкусно.

– Дальше разберёшься? – снисходительно, как слабоумную, спрашивает меня Алтонгирел. Он мне очень не нравится. Но не всё же коту масленица, правда?

Киваю.

К счастью, почти все мои дети при вчерашней эвакуации успели похватать сумки, так что им нашлось, во что переодеться и даже чем почистить зубы. А я вот очень страдаю по утраченной расчёске, не говоря уже обо всяких пемзочках-мочалочках.

Детей не приходится приглашать на завтрак дважды, и тюрю из горшка, оказавшуюся и правда мясным рагу, они лопают с энтузиазмом. Кажется, среди них есть вегетарианцы, но я и в нормальных-то условиях им не очень потакаю, а уж тут кушают как миленькие. Правда, чьё это мясо, я не знаю.

Дальше мои дети чинно сгружают тарелки в посудомойку (ну не я же за всеми буду убирать, правда?) и отправляются обратно по каютам. Вернее, это я так думаю. До сих пор они так хорошо себя вели, что я прямо расслабилась.

Однако когда через четверть часа я покидаю столовую с намерением тихо посидеть повязать, то внезапно обнаружи-

ваю, что по кораблю носятся с топотом и визгом два десятка молокососов, а кто постарше пытаются пробраться на капитанский мостик поглазеть, как управляется настоящий наёмничий корабль. Гомон стоит дикий, и я в ужасе представляю себе, что мне сейчас скажет Алтонгирел (почему-то именно от него мне кажется наиболее вероятным получить взбучку).

Я кидаюсь собирать своих подопечных и ещё через полчаса более-менее сгоняю их всё в ту же гостиную. Но они по-прежнему буянят, стоят на голове, скачут по диванам и норовят разбежаться, стоит мне отвернуться. Расходиться по каютам они отказываются решительно. Ох уж мне это гуманное воспитание.

Ну я как чуяла, что без Алтонгирела не обойдётся! Вот он, красавец, стоит в дверях и с отвращением на всех нас смотрит. Может, этих мелких паразитов хоть его рожа проймёт?

Не проняла.

– Здрасьте! – радостно здороваются дети.

– А у вас куртка форменная? – с места в карьер спрашивает один мальчик.

– Продадите? – тут же подхватывает другой.

Я хватаюсь за голову.

– Приструни своих молокососов, – цедит Алтонгирел. Да я бы с удовольствием, цыпочка.

– Пытаюсь.

– Я сказал, не пытайся, а приструни!

Ах ты гад.

– Если б могла, давно бы уже так и сделала, – стараюсь сдерживаться. Всё-таки мы от них зависим.

Кажется, он осознаёт, что я бессильна (и это, конечно, роняет мой авторитет в его глазах ниже нуля), и решает попробовать свои силы.

– А ну быстро все по каютам!!!

Эти мелкие паразиты ржут. Я начинаю бояться. Только в открытый космос не вышвыривай, дядя.

– Ребят, – говорю, – это не смешно. Щас придёт капитан и выкинет всех нас за борт, и меня тоже. Тут вам не школа. Нам вообще большую милость оказывают, что домой везут.

Ну, человек десять старших слегка посерьёзнили. Но это даже не четверть. Остальные принялись шептаться. Я улавливаю реплики «настоящий капитан!», «а за бортом очень холодно?», «меня мама не пустит» и ещё что-то столь же разумное. Господи, да что же делать-то? Ну не умею я с детьми обращаться, когда их так много!

Алтонгирел кроит кривую рожу и выходит из гостиной. Я уже достаточно себя накрутила, чтобы подумать, что он и правда сейчас за нас доносить пойдёт. Кидаюсь за ним.

– Послушайте, ну они же не виноваты! Они маленькие, глупые, никогда не были в такой ситуации. У многих это вообще первый полёт без родителей!

– А почему меня это должно волновать? – бросает он через плечо. Кажется, я сейчас заплачу. Кстати, может, так и

сделать? На мужиков это иногда действует. Набираю в лёгкие побольше воздуха, преисполняюсь жалости к себе – и...

– Ну почему вы такой жесто-о-окий?! – хороший рёв вышел, ещё и от стен отрикошетило.

Он замирает и оборачивается, как будто привидение увидел. Что, я так страшна? Нет, я знаю, что у меня всё лицо краснеет, когда плачу, но чтобы так напугать...

Стоим, пялимся друг на друга в полутёмном коридоре, я озадаченно всхлипываю, он губами шевелит... И тут между нами распахивается дверь.

Оказывается, мы устроили всю эту пантомиму ровнёхонько у каюты капитана. И он, конечно, вышел посмотреть, что тут за шум. Ох, что сейчас будет...

Азамат первым видит обалдевшего Алтонгирела, потом меня с мокрой красной физиономией. Ну вот, и его тоже напугала. Поворачивается снова к моему обидчику, лица его я не вижу, но тот отступает на шаг.

– *Я ничего...* – начинает Алтонгирел, неровным голосом, глядя снизу вверх на возвышающегося над ним капитана. Этот человек умеет робеть?! – *Я только... Там эти дети очень шумят, я только попросил их... ну, по каютам... Я даже не сказал ничего!*

Азамат снова смотрит на меня, я спешно вытираю слёзы. Если Алтону из-за меня влетит, он же меня потом со свету сживёт!

– Я... просто... перенервничала, – мямлю. – Извините.

Кто ж их знал, что они такую трагедию устроят из-за меня? Они тут вообще женщин не видят, что ли? Или, может, на Муданге растёт какая-нибудь трава, облегчающая ПМС? Я тоже такую хочу!

– Оставь детей в покое, – говорит Азамат Алтонгирелу. На всеобщем, заметьте, вежливый ты мой.

В этот момент со стороны гостиной раздаётся жуткий грохот и визг. Успеваю заметить, как Алтонгирел, осмелев, иронично поднимает бровь. Мчусь на шум.

Ну конечно они уронили диван! К счастью, кажется, никто не пострадал. Врываюсь в гущу, начинаю отчитывать – как вдруг всё стихает.

Оборачиваюсь – в дверях стоит Азамат, во всей красе: два метра с гаком, чёрная блестящая псевдокожа, шрамы на поллица. Хмурится, обводя взглядом наше собрание. Дети, как бандерлоги, плятятся на него, затаив дыхание. Похоже, вчера слишком перепугались, чтобы заметить.

– Будьте поосторожнее, пожалуйста, – произносит капитан своим спокойным, раскатистым голосом.

– Да, сэр, – говорит кто-то из старших мальчиков и внешне запустает цепную реакцию:

– Да, сэр! Да, сэр! – нестройным хором отзываются все остальные.

– Вам лучше разойтись по каютам и заняться тихими играми, – продолжает Азамат благосклонно-отеческим тоном.

– Да, сэр, – на этот раз почти в унисон.

Встают. И расходятся!

Впрочем, я и сама с трудом удерживаюсь, чтобы не разойтись вместе с ними. Вот это я понимаю – у человека сила убеждения! Впрочем, увязавшийся за нами следом Алтонгирел смотрит так, как будто мы все с ума посходили.

Когда последние детские шаги стихают в направлении кают, наш зазнайка всё-таки не удерживается.

– Ну ничего себе! Землянку они не слушают, меня они не слушают, а тебя – пожалуйста!

Азамат, кажется, и сам слегка озадачен. Пожимает плечами. Теперь уже я смотрю на них как на чокнутых.

– А что вас удивляет? – спрашиваю. – Он капитан. Высокий, э-э-э... внушительный. Конечно его слушаются!

И тут этот потрясающий человек, в смысле Алтонгирел, видимо, решает, что ему жизнь не мила в этом несправедливом мире, потому что говорит:

– Но он же урод!

Я замираю вследствие полного отключения мозга. Господи, что сейчас будет? И как мне реагировать? Возмущаться? Прятаться?

Очень осторожно перевожу взгляд на Азамата. Он задумчиво смотрит в сторону.

– Возможно, – медленно произносит он, – у землян другие приоритеты.

– Ка-анечно! – фыркает Алтонгирел, а потом кивает на меня. Ой, нет, нет, пожалуйста, только не это, не спрашивай

меня...

– Вот скажи, по-твоему, он что, не урод? – всё-таки спросил, зараза. И что мне делать?!

Внезапно очень ясно осознаю, что, будь я Парисом, яблоко бы досталось Афине, потому что у неё ружьё. Ну то есть копьё. Неважно. Так, девочка, соберись. Тут надо отстраниться и ничего не отвечать.

– Боюсь, что не понимаю вашего юмора, – говорю с как можно более тупым выражением лица.

– Да нет, я серьёзно! – продолжает этот мучитель.

– Серьёзно не понимаю, – говорю я и порываюсь сделать ноги. К сожалению, он стоит как раз между мной и дверью. Хватает меня за локоть, зараза такая.

– А ну-ка отпусти, – быстро и мрачно говорит Азамат. Отпускает, извиняется.

Меня уговаривать не надо, выстреливаю по коридору, как взрывной волной отбросило.

Сiju за решёткой в темнице сырой. Ну ладно, сухой, то бишь в своей каюте. И решётку я тоже сама себе организовала – заперлась изнутри. Теперь бы пульт от двери не потерять, а то на ней самой, кажется, никаких кнопок нету.

Каюта у меня очень приятная: небольшая, но всё на месте. Кровать человеческая, а не эти гравитационные гамаки, которые на наших малых кораблях ставят на случай разгравитации. Столик для бука (нет-, комм-, джой- и какие они

там ещё бывают) с выдвижным креслом, сверху полочки – прямо нормальное рабочее место. Интересно, мударжцы тоже играют в наши сетевые РПГ-шки? И что они на этих полочках держат? Народную музыку в красивых коробочках? Летописи в электронном формате?

В другой стене встроенные шкафчики и – о чудо! – дверь в личный санузел. На земных кораблях эту роскошь себе позволяют только капитан да пара заместителей, ну или уж если у кого частный звездолёт. Вот это, я понимаю, люди ценят личное пространство. Да и вообще они же тут, наверное, месяцами живут безвылазно. Без комфорта никак.

Жаль, у меня ни нетбука, ни зубной щётки нет. Хотя погодите-ка, вот же в мешке одноразовые щётки. Ладно, одной проблемой меньше. Теперь бы ещё маме позвонить, а то же волнуется, наверное. Интересно, насколько хорошо наши скрывают взорванный корабль? Не узнать-то не могли. И ведь главное, скорее всего, про взрыв уже вся планета знает, а вот что кто-то спасся – только председатель Земного Союза. Сволочи. Могу себе представить, что там мама... И брат... Ох, нет, лучше не представлять. Пойти, что ли, попросить кого-нибудь письмо отправить? Так там Алтонгирел. Вот зараза, из-за него... Ну нет, я ему не позволю портить кровь моей родне. Вот сейчас же выйду и выклянчу связь.

Выхожу. Никого. Сую нос в гостиную. Никого. На кухню.

О! Капитан! Вот и прекрасно.

– Здрасьте, – улыбаюсь, по возможности, очаровательно.

– Сегодня уже здоровались, – говорит он, но не вздорно. Видимо, опять чёртовы культурные различия. Подхожу, сажусь напротив.

– Я хотела спросить... – начинаю и вижу, как ему опять становится смешно. Да что б тебя! – Ладно, хорошо, я спрашиваю. У меня дома все, скорее всего, считают, что я погибла. Можно мне как-нибудь им... письмо хотя бы отправить?

Смотрит на меня, как на попугая, который учится говорить.

– Вы, наверное, никогда раньше не общались ни с кем с Муданга?

– Наверное, нет.

– Вы не уверены?

– Ну мало ли... Вы не так уж отличаетесь от некоторых земных народов... – в голове всплывает светлый образ сетевых игр. – А в Сети обычно и лица не увидишь.

– Насчёт Сети – это верно. Но я думал, что земляне все, как вы.

– Да нет, что вы. Такие бледные, как я, вообще вымирающий вид. А так мы самые разные бываем. Разве что ростом в среднем пониже... – добавляю, в очередной раз прикидывая, сколько же в нашем капитане этого самого роста. Вот и кровать у меня в каюте, кстати, все два с половиной в длину. И стол мне высоковат...

Он немного смущается и утыкается в свой бук, который тут же и стоит на столе сбоку, а я и не заметила. Пощёлкал там чего-то и поворачивает ко мне.

– Пишите, звоните, что хотите.

Ой, я думала, он меня к кому-нибудь из подчинённых с этим пошлёт... Всё-таки странная у них субординация.

* * *

Привет, мам.

У нас тут небольшая нестыковочка вышла, но у меня всё ок. Похоже, буду дома раньше, чем собиралась. Новости не смотри, если посмотрела – забудь, там пургу гонят, чтобы деньги отмыть, как обычно.

Со связью у меня сейчас не очень, так что не удивляйся, если долго не буду писать.

Брату привет, погладь кота.

* * *

– Спасибо, – говорю, закрывая почту и поворачивая бук обратно к владельцу.

Он, пока я писала, встал и занялся чем-то в собственно кухонном углу столовой. Смотрю – несёт вчерашний пластиковый кувшин с пиалами.

– Не откажетесь?

Отказаться-то я не откажусь, но что-то мне это нравится всё меньше и меньше. Нет, ну серьёзно, с какой стати он меня обслуживает? То есть статья-то довольно очевидная, но удивительно, что он считает это нужным. Мог бы и просто

потребовать. Я же ни отбиться, ни убежать не могу... Если только ему доставляет удовольствие сам процесс?

– С-спасибо. А можно узнать, что это? – вот только попробуй мне сказать «узнайте»!

Он произносит какое-то страшное раскатистое слово, я пугаюсь, он улыбается.

– Извините, не знаю названия на всеобщем.

Лезет в бук, что-то там находит, поворачивает ко мне. Там – батюшки-светы, справочник по лекарственным растениям, на муданжском языке! Электронное издание... Кто бы мог подумать. На меня смотрит картинка: мелкая травка с колючими листочками, цветы-звёздочки. Как есть могильник!

– А, – говорю, – Пеганум. Хармала.

– Да, да, – говорит он. – *Гармарра*.

Ох ты ёлки, могла бы и узнать.

– Я думала, её курят.

– Только когда очень весело, – он так улыбается, что хоть сейчас косячок подавай. – Но у нас правило, в космосе – не пьём и не курим. А если её заварить, получается просто приятный напиток. Успокаивает, улучшает настроение.

Ах вот чего я так спала вчера хорошо.

– Спасибо... что вчера угостили.

Смотрит на меня опять как-то странно. Сколько я его благодарю, ещё ни разу «пожалуйста» не сказал. Это у них тоже не принято? Сейчас будет тебе той же монетой:

– Вы, наверное, нечасто с землянами общаетесь? – спра-

шиваю невинно.

– Так близко впервые, – ни капли не смутился. – Переговоры ведём, конечно. Но это очень интересный опыт.

М-да, взаимно.

– Ну так вы будете? – кивает на пиалу.

– Боюсь заснуть...

– Ах, да, я не подумал... Нужно вам, наверное, пожиже развести...

Да ёлкин дрын! Кто из нас тут капитан космических пиратов, а кто запуганная девица?! И ведь не скажешь ничего, ещё не так поймёт – и мне кранты.

– Да вы не беспокойтесь, я как-нибудь... и так... Я ведь только зашла насчёт письма, так неудобно вас отвлекать... – мямлю в лучших традициях визита в бухгалтерию.

Качает головой, глядя сквозь меня куда-то вдаль. Глаза у него – узкие длинные щёлочки, а веки такие огромные... Вокруг правого глаза всё обожжено, удивительно, как сам глаз не задело. Интересно, сколько ему лет? У левого глаза сбку морщинки, но седых волос совсем нет. Хотя кто их знает, когда они там седеют, эти инопланетяне. Зубы на вид все свои, а если у них зубные врачи такие же, как тот, что ему ожоги залечивал, то очень много лет капитану быть не может. Шрамы на шее тоже есть, а дальше высокий воротник. С учётом того, на что похожи ладони, там и под одеждой ничего себе должно быть. Как же это, наверное, было больно – подумать страшно.

– Не переживайте, – вздыхает. – Я с удовольствием трачу на вас время. Люблю узнавать новое. Лучше расскажите, что вы обычно пьёте.

– Чай... – пожимаю плечами. – Ну это если безалкогольное.

– Чай... – повторяет. – Но ещё рано, его вечером... Или вы днём?

– Да я-то хоть круглые сутки, – хихикаю.

– Легко, – опять я его с места согнала, пошёл, похоже, чай добывать. Достает немаленький холщёвый мешок. – Вот, – говорит, – заваривайте.

Заварочного чайника, конечно, не нашлось. Хорошо хоть кружку какую-то отыскала с ситечком сверху. Листья они сушат, похоже, целиком. И никаких добавок. Получилась жидкость почти шоколадного цвета, разве что прозрачная слегка, но на вкус нормально. Беру пиалу побольше – чашек-то тут совсем нет, иду к столу. Капитан там уже опять в буке ковыряется. Смотрит на меня, как на дрессированную собачку.

– Вам посуда подходит?

– Ну я бы предпочла, чтобы она была с ручкой, а так вполне.

И тут он принимается хохотать. Да как вступило! Громко, гулко, как автоматная очередь. Голову запрокинул – господи, а на шее-то шрамы... Как он только выжил вообще?!

Развеселить Азамата было не лучшей идеей – на этот грохот, который у него канал за смех, явился Алтонгирел. Я ста-

раюсь слиться со стулом, естественно, тщетно.

– Развлекаешься? – спрашивает он как-то нехорошо.

Азамат вытирает ладонью левый глаз. Ой, как мне хочется отсюда уйти немедленно и не вникать в их разборки...

– Тебя что-то не устраивает? – спрашивает капитан, всё ещё весело.

– Да так, знаешь, боюсь, как бы ты не слишком жестоко разочаровался потом, – цедит Алтонгирел. Когда Азамат сидит, Алтоша выглядит почти представительно. Оборачивается ко мне, опираясь на спинку моего стула:

– А вам тут ещё не скучно, *юная леди*? – что он хочет подчеркнуть? Что юная? Или что леди? Нет, тут явно какие-то свои интриги, которых я не понимаю и понимать не хочу. Выгибаю спину, чтобы быть от него подальше.

– Напротив. Мы вели чрезвычайно познавательную беседу о напитках.

– Уверен, вы получили от этого массу удовольствия, – шипит практически мне в ухо. Отклоняюсь в сторону так, что это уже неприлично. Ну почему Азамат ничего не сделает?!

– Совершенно верно, – огрызаюсь.

– И почему я вам не верю? – он уже меня почти касается. Приходится всё-таки встать и обойти стол.

– Понятия не имею.

Сейчас ведь расплещет мой чай, урод.

К счастью, он переключается на Азамата – и заодно на мунданжский.

– *Очень тебе советую это прекратить.*

Капитан, изменив своей вежливости, тоже переходит на родной язык:

– *Я не уверен, что это входит в сферу твоей компетенции.*

Хорошо, что у них тоже много умных слов заимствовано из всеобщего, а то хрен бы я что поняла.

– *Зато я уверен. Над тобой мало смеются? Хочешь брызнуть бензином в костёр?*

А, ну да, поняла. Ещё бы знать, о чём он...

– *Я думаю, что больше уже некуда.*

– *Тебе рано себя хоронить.*

– *И поэтому ты считаешь, что мне надо сидеть под замком.*

Да о чём они?! Или я не хочу этого знать...

– *Азамат, я тебя предупредил, что будет больно.*

– *Мне не привыкать.*

На этой оптимистической ноте Алтонгирел вздыхает и выходит из кухни строевым шагом, шарахнув дверью.

Я вздрагиваю, вжимаю голову в плечи и зажмуриваюсь.

– Простите, – говорит Азамат. Да уж, правильно извиняешься. Только почему ты его сразу не выставил?

– Я думала, он ваш подчинённый, – не выдерживаю.

– Не совсем, – откидывается на спинку стула, вздыхает. – У нас с ним некоторое разделение ролей. У меня, как бы это сказать... светская власть, а у него духовная.

Тарашусь.

Вот уж такого – на звездолёте! – я точно не ожидала.

– Знаю, что это странно, – ухмыляется он. – Но у нас так заведено. Наёмники иногда годами не бывают на планете, а со Старейшинами по нетбуку не поговоришь, нарушится таинство поучения. В то же время, у некоторых Старейшин есть ученики, которые после пятнадцати лет послушничества обязаны провести хотя бы десять лет в удалении от наставника, научиться принимать собственные решения. Вот они-то и летают с наёмниками. Алтонгирел здесь уже пять лет, но я его знаю с детства.

– А, э-э... вы не ладите?

– Обычно ладим, просто он несколько... близко к сердцу принимает некоторые вещи.

Ага. И называет тебя уродом.

– Но вообще-то он хороший друг, – заключает наш удивительный капитан.

Пора мне делать ноги из этого дурдома.

Извиняюсь, забираю свой подостывший чай, иду к себе. Где моё вязанье?. Там как раз самое время начинать узорчик вывязывать, для этого какая-никакая, а концентрация нужна, голову займу хоть, чтобы не ломать её о подслушанные реплики на неблагозвучном муданжском... Может, я на самом деле всё совсем неправильно поняла. Я ведь даже до этой истории никогда живого муданжца не слышала, а только нашего препода...

Пиала вылетает из рук и *разбивается о стену*, хоть и пластиковая. О н-нет, как я могла его не заметить?!

Мощная рука Алтонгирела впечатывает меня в стенку, глаза его сверкают, из ноздрей дым, рожа красная, клыки торчат... Не знаю, что уж там правда, а что мне с перепугу мерещится...

– Держись подальше от Азамата! – рычит он так, что я еле разбираю слова. Его пальцы сжимают моё плечо в опасной близости от горла, да с такой силой, что вот-вот ключица хрустнет. А кроме меня самой тут врача нету... Как же так, духовник есть, а врача нету...

– Слышишь меня?! – шарахает меня затылком об стену. Хорошо, что я не пластиковая.

Слышать-то слышу, но у меня в ушах шумит, в глазах рябит, в горле вантуз застрял... Пытаюсь кивнуть, но он не понимает. Навис надо мной, маленькой, как вопросительный знак, вот-вот точкой под дых заедет. В панике толкаю его в грудь, но с тем же успехом можно было попытаться пройти сквозь стену: он сильнее меня раз в двести, наверное.

– Я тебе побрыкаюсь, – заносит руку... Я начинаю визжать. Не длинно, как заклинивший дверной звонок, а короткими пронзительными взвизгами, точка-тире, хотя всё больше точка-точка-точка...

Глава 3 В которой никто не пострадал

Что-то происходит, и мне позволяется упасть на пол. Пожалуй, я за эти дни превысила месячную квоту по падениям. Так, дышим глубоко. Не хватало мне ещё в ответственный момент панического приступа. Кажется, меня уже никто не убивает. Ещё пара глубоких вдохов, и можно попробовать воспринять окружающий мир.

Мир тих, хотя в ушах по-прежнему шумит. Поднимаю голову – и вижу длинную косу. Капитан здесь. Странно, только что ведь был на кухне. Хочется дёрнуть за косичку, но пока что могу сдержаться. Хорошо, что я не стала пить могильник. Сажусь на колени. Затылок саднит, щупаю – череп цел, а это главное. Бедная моя голова, что ни день, то шишка.

Капитан поворачивается ко мне, и за его плечом я вижу Алтонгирела, белого как полотно. Огромные чёрные глаза – на меня, руки не знает куда деть. Наконец-то гул в моих ушах стихает, и я начинаю осознавать, что случилось. Похоже, орала я громко, на совесть, и моя глотка теперь очень мной недовольна. Азамат приседает около меня, смотрит с тревогой. Ты ещё пальцем потыкай. Живая я, живая...

– Вы как?

Очень не хочется говорить. Руки дрожат. Ноги, навер-

ное, тоже. Осторожно киваю, тру лицо, как будто только что проснулась. Понервничай-понервничай. В следующий раз надаёшь физдюлей своему духовнику *до* того, как он сделает из меня отбивную. Внезапно очень хочется к маме. А ещё лучше – к Кириллу, но его больше нет, и никто меня сильными руками не обнимет, и щетиной не пощекочет. Стой-стой-стой! Я не хочу сейчас плакать! Они и так уже достаточно насмотрелись, какая я слабая и беззащитная. Капитан того и гляди примется меня по голове гладить. Достаточно ли я несчастна, чтобы этого хотеть? Пожалуй, нет. Тем более что у него из внутреннего кармана расстёгнутой куртки торчит что-то огнестрельное, а я боюсь вооружённых мужиков.

– Встать можете? – спрашивает.

– Щас попробую, – говорю, ожидая, что он мне руку предложит. Не предлагает, гад. Ладно, может, растерялся. Пытаюсь опереться на его предплечье, но он вдруг отстраняется. Пока я пытаюсь врубиться, он поворачивается к Алтонгирелу:

– Иди помоги.

– НЕТ!! – очень быстро выкрикиваю я. Бедная моя глотка, у твоей хозяйки реакция намного опережает разумную мысль. Духовник застывает, занеся ногу для шага, неуверенно смотрит на Азамата.

– Не волнуйтесь, – говорит мне этот потрясающий человек. – Он не причинит вам вреда, я обещаю.

Тебя при рождении сколько раз головой уронили? Ой, не

надо о голове...

– Уберите его от меня, – говорю тихо и хрипло, но, как мне кажется, убедительно. Пытаюсь подвинуться так, чтобы капитан оказался ровно между мной и этим чудищем поганым.

– Лиза, не психуйте, – строго говорит мне капитан. – Кто-то же должен помочь вам дойти до каюты. Алтонгирел, давай уже иди сюда, не тяни время.

Поняв, что помощи мне ждать неоткуда, беру своё спасение в свои руки. В роли спасения предстаёт та самая пушка из кармана Азамата.

– Ещё шаг, и останешься без печени! – хриплю как можно грознее. Стрелять нас учили, у меня даже неплохо получалось. С такого расстояния если и не печень, то какой-нибудь важный орган задену. Руки, правда, дрожат...

Мужики ахают и отступают. Азамата я совсем не понимаю, он же сбоку сидел, мог прекрасно отобрать у меня свою пушку, держу пари на что угодно, что у него реакция лучше, чем у меня.

– Лиза, послушайте, – начинает резонить капитан. – Давайте не будем всё усложнять. Алтонгирел не собирался причинять вам боль.

– Ага, только придушить и об стенку постучать! – от адреналина язык заплетается, не знаю, насколько они вообще понимают, что я говорю. Где мой полированный университетский выговор...

– Я только припугнуть тебя хотел! – находит наконец голос Алтонгирел.

– Тебе удалось! – ору громче, чем думала, что могу.

– Я не знал, что земляне такие хрупкие!

– Заткнись, урод! Вали отсюда и не прикасайся ко мне никогда!!!

Надеюсь, он не замечает, что у меня предохранитель не снят, потому что пальцы совсем не слушаются... Судя по тому, как у него лицо пятнами идёт, ему не до предохранителя.

– Прикормил стерву, теперь сам с ней и разбирайся! – выкрикивает он капитану и стремительно уносится прочь. Мои руки сами собой опускаются, меня бьёт крупная дрожь.

Капитан снова присаживается около меня.

– Отдайте мне пистолет, Лиза, он всё равно не заряжен.

Кошусь на него недоверчиво. Поворачиваю пушку кверху пузом – и правда, индикатор заряда даже не светится. Тьфу ты. Кладу бесполезный предмет на пол рядом, капитан суёт его обратно в куртку.

– Чего ж сразу не отобрали? – бормочу, прислонившись виском к холодной стене. Я уже себе представляю, какое у меня будет несварение желудка после всего этого стресса.

– Алтонгирел мне нужен, а он обидчив. Я предпочитаю не наказывать его самостоятельно. Тем более что от вас ему обиднее слушать оскорбления, чем от меня.

Не знаю, чем я его там оскорбила... Лишь бы не приблизился.

– Помогите мне встать, – говорю устало. Обойдётся без реверансов после такой нервотрёпки. Он ещё чего-то колеблется. Что, думаешь, укушу?

Подставляет руку, но не ладонь. Цепляюсь за что есть, встаю, повисаю. Ноги дрожат так, что, по-моему, вибрация переходит на стены. До него наконец-то доходит, что меня надо придержать. Не знают они, дескать, что земляне такие хрупкие. Каз-злы.

Азамат практически доносит меня до каюты, и вид у него такой виноватый, что мне даже становится его жалко. Как он ухитряется быть хорошим капитаном, если так неуверен в себе?

Сворачиваюсь клубочком на кровати. Кто бы знал, как мне надоела эта короткая юбка. Только и следи, чтобы вы-

глядеть прилично. Хорошо хоть туфли на мне удобные были, танкетки, не каблуки. Но на кроссовки готова хоть прямо сейчас поменять. А так приходится разуться, чтобы дать ногам отдохнуть. Капитан уходит, ещё раз извинившись, и дверь за ним защёлкивается.

Я довольно быстро перестаю изображать из себя несчастную жертву обстоятельств. Всё-таки обошлось без травм – так, синяк на ключице да шишка на затылке. Вот напугалась я конкретно. С этим и надо бороться.

Встаю, раскапываю свой мешок: тэк-с, этого таблетку внутрь от нервов, этого пять капель в нос для соображаловки, а этим шишку помазать. Красота. Какая же я всё-таки умная! Про удачливость я в данной ситуации, пожалуй, промолчу.

Стук в дверь. Кого это принесло? Добивать пришёл? Спрашивать бессмысленно, закрытая каюта на звездолёте всегда звуконепроницаема. Осматриваю пульт, кнопки подписаны по-муданжски. Ладно, в случае чего скажу, нажимала наугад. Будем надеяться, «окно» – это то, что мне нужно.

И правда, дверь становится прозрачной. Не исчезает совсем, к счастью, а то бы меня точно кондратий хватил, а так – мутненько, но видно. Там капитан. Стоит, переминается, в руках что-то держит, не разберу. Один вроде. Ладно, не могу же я капитана не пустить... У него, наверное, всё равно пульт от всех дверей есть. Открываю.

– Простите за вторжение, – начинает он. Поклонись ещё

поясно. – Подумал, может быть, поможет успокоиться.

Ставит на стол пиалу с дымящимся чаем. Скажите, что мне этот бред снится, а? Потому что иначе я пошла искать чемпионат по неадекватному поведению, я знаю, кто его выигрывает.

Нет, правда же на сон похоже? Особенно такой... в изменённом состоянии сознания... Вот и повторяющийся мотив, и всем, кроме меня, происходящее кажется естественным. Но самое ужасное, что я не могу просто проигнорировать Азамата, как надоедливую ухажёра в чате. Надо как-то реагировать.

– Ой, да не надо было, – всплёскиваю руками, хоть и с задержкой. – Мне прямо неловко, прислали бы кого-нибудь, на худой конец...

– Да, наверное, так и надо было сделать, – неожиданно соглашается он, глядя в сторону. Да он обиделся! О господи, что же это за кошмар такой?!

– Я... то есть... в смысле... – что можно сказать капитану, чёрт возьми, пиратского корабля, чтобы он перестал на меня обижаться?! Что он, решил, что я его видеть не хочу?

– Ничего-ничего, – говорит, поворачиваясь к двери. – Я вас больше не побеспокою.

Приходится всё-таки вскакивать и догонять его босиком, а я так не люблю в общественных местах без тапочек... Хватаю его за руку, мелодраматичненько так, но ничего лучшего в голову не приходит. Впрочем, действует хорошо, останавли-

ливается, как будто я на паузу нажала.

– Подождите, – говорю. А чего ещё сказать, не знаю. Он послушно ждёт, смотрит на свою руку, как будто впервые видит. Если я когда-нибудь в старости буду преподавать в космическом колледже, я там организую спецкурс о повадках инопланетян, потому что знания языка тут явно недостаточно. Я ведь только догадываться могу, на что он обиделся. А если не на это? Я, кстати, до сих пор не знаю, что его так развеселило в столовой. Но, похоже, выбора у меня нет. Была – не была и прочие пропавшие паны.

– Я вас не прогоняю, просто мне страшно неудобно отнимать у вас столько времени. Вы так обо мне заботитесь, как будто я какая-то особенная, а я самая обычная, и мне очень неловко.

Надеюсь, *это* он не воспримет как «отстань, без тебя справлюсь»?

Улыбается, шевелит бровями. Фух, пронесло...

– Вы ведь с Земли, – говорит. Тонко подмечено, однако...

– Ну да, – моргаю.

– Ну и какая же вы «самая обычная»?

А, то есть я – редкий экспонат в коллекцию, так что ли? Меня надо держать в удобном вольере и кормить предпочитаемой пищей?. . А чего это я так разозлилась внезапно? Пускай царь диковинкой потешится, лишь бы вернул на место в целости.

Однако часть моего возмущения, видимо, всё-таки отра-

жается на лице, и капитан замечает. Тянет руку, чтобы я отпустила. Теперь поверх прочего мне ещё и стыдно.

– У вас на корабле, – говорю, – кроме меня ещё сорок семь человек землян.

– Они меня боятся.

– Я тоже.

Ой, зря я это сказала, сейчас опять обидится! Быстро, быстро всё исправить!

– Правда, Алтонгирела я боюсь гораздо больше, – выдаю с нервным смешком.

Так, кажется, на этом канате я научилась балансировать. Он снова улыбается. Вернусь на Землю – попробую себя на поприще дрессировки диких зверей.

– Не стоит, он теперь к вам на пять метров не подойдёт.

– Или просто подстроит несчастный случай.

Азамат так широко открывает глаза, как ему только позволяет природная узкоглазость.

– Вы же не можете всерьёз предполагать, что он хотел вас убить? – спрашивает он меня в благоговейном ужасе.

– Мне жаль вас разочаровывать, – говорю, – но я в этом твёрдо уверена.

Этот непредсказуемый человек покатывается со смеху.

– Извините, Лиза, – говорит он. – Но это совершенно невозможно. Я сам виноват, надо было вам сразу всё объяснить. Ни один муданжец не причинит вреда землянину нарочно. Это абсолютное табу. Алтонгирел вёл себя как пол-

ный идиот, но он действительно просто не рассчитал силу.

– А как вы тогда воюете? Чтобы без травм? —интересуюсь. Это что, новый шаг в буддизме?

– А мы с Землёй и не воюем. И земных заложников вот впервые осмелились взять, – хмурится. – Мне слава в голову ударила. До сих пор у меня ещё ни один заложник не пострадал, вот я и соблазнился. Мне очень жаль, что вам пришлось так переживать, но на этом корабле вас никто не тронет. По-хорошему, мы вообще не имеем права к вам прикасаться и даже знать ваше имя. Я почему-то был уверен, что вы это понимаете. Земляне для нас – те же боги.

Меня снесло лавиной новой информации ещё где-то на середине его монолога, и теперь я пытаюсь осмыслить сказанное. Так вот почему он мне руки не подал.

– А тогда зачем вы пытались, – осмысление начинает потихоньку порождать вопросы, – заставить Алтонгирела довести меня до каюты? Он ведь тоже не должен меня трогать?

– Не должен, но он духовник, и он красивый, так что из нас двоих для него нарушение этого запрета – меньшее зло.

Ну я и попала. Нет, это всё, конечно, прекрасно, но... Ой, я же его за руку взяла!

– А мне-то можно вас трогать? – спрашиваю в лёгкой панике. Ещё не хватало, чтобы я ему какой-нибудь запрет нарушила.

Удивлённая улыбка – это, видимо, выражение его лица по умолчанию.

– Можно, конечно, хотя меня несколько озадачивает, что у вас возникает такое желание, – хмыкает капитан. Он всё-таки вогнал меня в краску. Ну ладно, хоть с третьего раза, вот, знайте, что я сопротивлялась.

Ой, а ведь он же меня сюда волок...

– А это ничего, что... – начинаю я, но он, похоже, уже просёк ход мыслей моей паранойи.

– Если вас это устраивает, то всё в порядке.

Облегчённо вздыхаю. Меня так и будет сегодня швырять из паники в облегчение и обратно? Где там мой чай? Если уж капитан сам принёс, грех не пить. Да и вообще, мы уже минут пять, как идиоты, стоим около двери.

– Может быть, присядем и обсудим всё спокойно? – предлагаю, немедленно подавая пример. Он, склонив голову, наблюдает, как я на цыпочках гарцую обратно к кровати – полы тут вроде чистые, но не люблю я босиком ходить. Он как-то выкручивает компьютерный стул лицом ко мне и садится, откинувшись на спинку. Ему этот стул маловат, правда. Капитан у нас всё-таки очень крупный дядя— не только ростом, но и в прочих измерениях.

Впиваюсь в чай, отчего Азамат несколько прибодряется. Думал, вылью, что ли? Нет, как ему всё-таки удаётся людьми управлять, с такой-то самооценкой? Надо с ним быть пожеливее, если уж я для него такая важная персона. Может, комплексов ему поубавлю.

– Азамат-ахмад, – начинаю вроде как вежливо, запоздало

вспоминая, какая на это была реакция последний раз. Ну и он, конечно, хохочет.

– Не называйте меня так, – отмахивается.

– Ну почему? – спрашиваю несчастным голосом.

Отворачивается, бормочет что-то на муданжском. Похоже, я его всё-таки дожала до того порога, где кончается его знание всеобщего.

– Это я вас должен титулами называть, а не вы меня, – объясняет наконец. Ага, ну хотя бы я не сказала ничего неправильного.

– У меня никаких титулов нету, – говорю, – и я лечу на вашем корабле. Не могу же я вас просто по имени называть!

Смотрит на меня долгим изучающим взглядом, а потом вдруг выдаёт:

– Вы, очевидно, не понимаете, насколько вы красивы.

Да что у него за пунктик с этой красотой? Я не жалуюсь, конечно, но как-то до сих пор за мной не водилось устилать улицы обморочными юношами. Хотя, если он Алтонгирела красавцем считает, то на его фоне я, конечно, суперзвезда.

– У нас могут быть разные критерии оценки красоты, – говорю с умным видом.

– Да, – кивает, – да, это возможно. Мы тут привыкли думать, что все земляне прекрасны, но у вас ведь наверняка есть какая-то внутренняя градация.

А, ну то есть дело не во мне. Это просто стереотип. Мы, значит, боги и должны быть красивыми, как бы оно там ни

было на самом деле. Ладно, с этим разобрались. Отхлёбываю ещё чаю. Жизнь почти налаживается.

– Ладно, – говорю. – Теперь насчёт Алтонгирела. Допустим, я вам поверила насчёт табу и прочего...

Хмурится.

– Ну вы же понимаете, что у меня единственная причина вам верить – это ваше личное обаяние...

Совсем сник. Блин!

– Которое, безусловно, зашкаливает, поэтому будем считать, что я вам всё-таки верю.

Перевожу дух. Может, он просто хорошо владеет искусством эмоционального шантажа? Изображает тут из себя затюканного, чтобы я легче ему навстречу пошла? Но мне это никак не проверить, так что лучше уж буду играть по его правилам.

– Так вот. Запрет там или как, но поверить, что он не попытается меня ещё раз «припугнуть», я не могу. Поэтому мне неизмеримо приятнее от вас помощь принять, чем от него.

О-о-о, кажется, я наконец-то сказала то, что надо. Мой капитан просто расцветает на глазах. Ура, могу себе поаплодировать. Ему вообще идёт улыбка, насколько это, конечно, можно сказать про человека с такими шрамами. Но он, когда улыбается, становится какой-то свой. Как будто я его уже сто лет знаю. Но я ведь не могла его раньше встречать, правда? Такое лицо не забудешь.

– Спасибо за доверие, – он начинает выбираться из кресла, когда я вспоминаю, что у меня есть ещё один вопрос.

– А чего вообще от меня хотел Алтонгирел? Похоже было на сцену ревности, но как-то...

– Ревности? – осторожно повторяет Азамат явно незнакомое слово. Э. Ну по-муданжски я его тоже не знаю... А и знала бы – не подсказала. И потом, если у них слова «любовь» нету, то, наверно, и с ревностью туго. Хотя поведение дорогого духовника свидетельствует об обратном.

– Неважно. Так чего он хотел?

– Он считает, что мне с моим уродством не пристало с вами общаться больше, чем необходимо. А поскольку я его доводам не внял, то он взялся за вас.

Ну допустим, в какой-то части это можно притянуть за уши к тому, о чём они говорили в кухне. Хотя это явно не всё. Но мне вообще радоваться надо, что хоть что-то объяснили.

– А у вас... степень приближенности к богам красотой измеряется?

Кажется, не обиделся... Так, хорошо, хмыкает, думает...

– Пожалуй, можно и так сказать.

Всё-таки ужасные дикари. Но я свой устав поберегу для какого-нибудь более безопасного монастыря. Правда, очень уж хочется Азамата как-нибудь подбодрить. Ему, наверно, очень тяжело с таким лицом, если у них красота так важна.

– Как интересно, – говорю с напускной живостью. – А у

нас оценивают по способностям, по достижениям... Мне вообще всё равно, кто как выглядит, лишь бы хороший человек был.

Кривит губы, смотрит в сторону.

– Спасибо на добром слове, – встаёт. – Через час обед будет. Вы справитесь с детьми?

Киваю, и он уходит.

Не поверил. Блин!

Глава 4 В которой не удаётся трогательное расставание

Когда я пригоняю своих притихших подопечных на обед, оказывается, что вся команда тоже там. К такому повороту дел я несколько не готова, но успеваю сориентироваться: рассаживаю детей за свободными столами. Их, к счастью, хватает. Дети шушукаются, поглядывая на наёмников. Те ведут себя примерно так же, косятся на нас, переговариваются на муданжском. Преимущество у них, впрочем, невелико: среди нас разве что у шести человек всеобщий – единственный родной язык, а остальные – такие же билингвы, как я. Так что мы тоже можем на непонятной муданжцам фене ботать, хоть и не все со всеми.

Поначалу сидим тихо, носы в тарелки, мы в своём углу, наёмники – в своём. Нам всем выдано по маленькой пиале с очередным травяным чаем, правда, на сей раз не из могильника. То ли побоялись, что мы все заснём, то ли хармалу они пьют исключительно в минуты волнения. Дети от зеленоватого настоя, естественно, воротят носы. Муданжцы хмурятся.

К счастью, тут входит тот парень, который мне представился... Тирбиш. С огромным чаном пирожков. Смутно вспоминаю, что у них какое-то очень шуршащее название.

То ли шурх, то ли фырк... Хшур, во! Насколько я помню, их прожаривают как следует, то есть глистов быть не должно... Ладно, выпендриваться всё равно не время, на Земле всех вылечат.

Надо сказать, пирожки удались. То ли мы все оголодали с перепугу, но треск за ушами стоит такой, что разговоров за ним уже не слышно. Спросить, что ли, рецепт... А тут ещё и бульончик подают, ну прямо вообще жизнь прекрасна. Правда, несолёный он совсем, ну да это на столе. Муданжцы с интересом наблюдают, как мы передаём друг другу солонку. Я между пирожками обхожу столы и убеждаю мелких не вытаскивать из бульона зелень двумя пальцами, демонстративно, с отвращением на лице – ещё не хватало обидеть повара.

Вкусная еда, как это обычно бывает, способствует общению. Краем уха слышу, как мои детки, сидящие близко к наёмникам, начинают приставать с вопросами.

– А какое это мясо?

– Кто готовил?

– А это вся команда?

– А зачем такой большой корабль?

Последний вопрос меня и саму интересует, честно говоря. На него, правда, никто не спешит отвечать. Треплется, кстати, в основном всё тот же Тирбиш. Видимо, самый общительный в команде.

– Да я готовил, я. Мы только вдвоём и готовим – либо я,

либо вот он, – тыкает пальцем в сидящего чуть наискосок от него молодого парня. Это типа юнги у них, что ли?

– А как вас зовут? – спрашивает ангелоподобная девочка с жутким акцентом. То ли немка, то ли из братьев-славян.

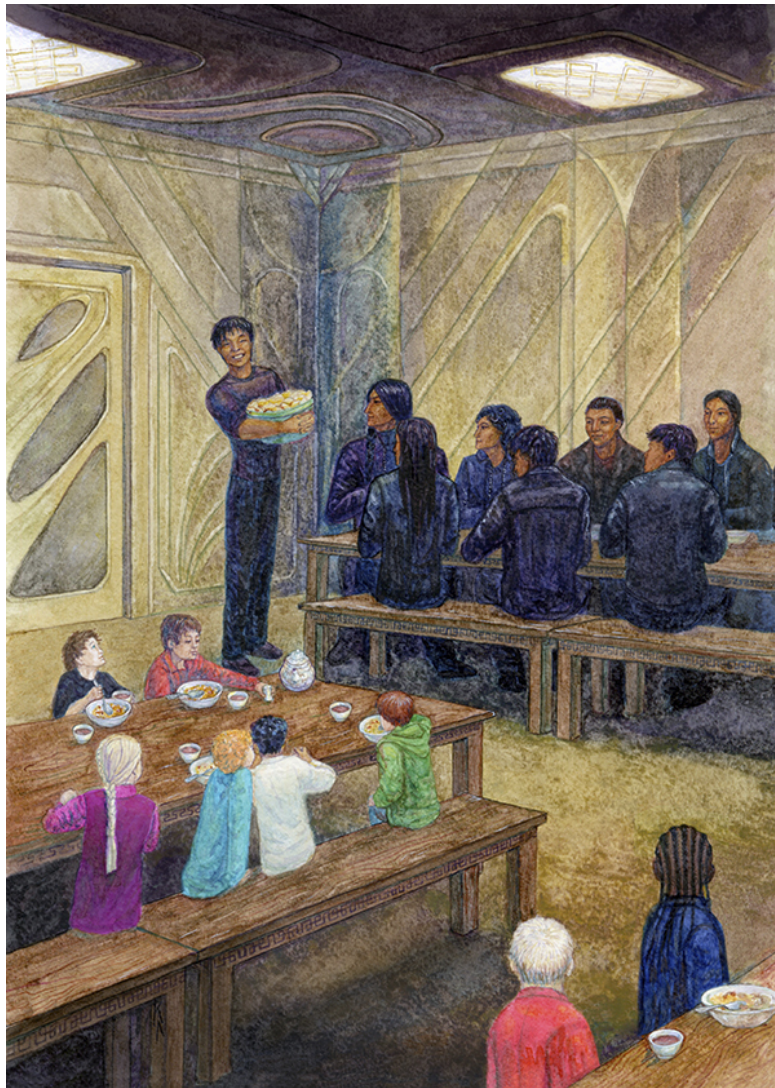
– Так вам всё и скажи, – смеётся Тирбиш. Дети в лёгком замешательстве. Тяну за рукав девицу на другом конце стола, шепчу:

– У них не принято представляться кому попало.

К счастью, она соображает передать эту мысль по цепочке, так что младшие дети перестают пытаться вытянуть из муданжцев их имена.

Замечаю Алтонгирела по правую руку от Азамата. Сидит, нахохлившись, губы выпятил ещё сильнее, похож на статую с острова Пасхи. Вообще я ожидала, что за столом будут сидеть по старшинству, ан нет. Вон, например, Ахамба – сидит третьим с краю, а ведь он старше Алтонгирела, это сразу видно. А с самого края сидит молодой мужик с огромной родинкой на щеке. По левую руку от Азамата совсем мальчишка с длинным лицом и раскосыми глазами. Длинные крупные кудри по плечам. Странно, я думала, муданжцы кудрявыми не бывают. Впрочем, до моего мелкого беса ему всё равно далеко. Однако, похоже, и тут внешность правит бал. Я бы, правда, кое-кого местами поменяла, особенно Алтонгирела, но я же не знаю их эстетических критериев. Азамату во главе стола довольно неуютно. И как он пробился в капитаны? Может, конечно, сначала пробился, а потом уже по роже по-

лучил... Ох и не люблю же я эти первобытные общества!

– *Шву* – это птица такая, – тараторит Тирбиш. – Живёт в воде, шея дли-и-инная.

– Лебедь! – радостно гадают мелкие.

– А я ж не знаю, правильно или нет, – хохочет наш повар. – Азамат-ахмад, как скажете?

– Правильно, – Азамат одобрительно кивает.

– Вы лебедей едите? – удивлённо переспрашивает мальчуган лет десяти.

– А чего ж нет? Они большие, жирные.

– Они красивые! – возмущаются девочки.

– Да уж, куда красивей, – мрачно говорит Ахамба. – Как куснёт, враз любоваться забудешь.

Смеются. Не такой он ворчун, как изображает.

Я замечаю, что мой народ постепенно подтягивается поближе к наёмникам, за соседними столами становится тесно. Несколько старших подростков перетаскивают лавку так, чтобы сесть сбоку от капитана. Наёмники начинают озираться.

– Азамат-ахмад, а зачем вам такой большой корабль? – спрашивает один парнишка, тоже, как я, подхвативший обращение. Алтонгирел смотрит на него испепеляющим взглядом, но капитан решает не сопротивляться.

– Я его построил дюжину лет назад. Мы тогда большими командами летали. А потом оказалось, что много народу не нужно, но не выбрасывать же хороший корабль! – усмехает-

ся. Интересно, это правда?

– Сами построили? – вытираются дети.

– А что такого? – удивляется Азамат. Или он просто гениальный актёр, или действительно способен на коленке свинтить звездолёт.

– Но ведь это очень сложно! – продолжает напирать парень.

– Да ну прям сложно, – отвечает вместо Азамата плечистый мужчина, сидящий справа от Алтонгирела ко мне спиной. – Это любой мужик может. Наш капитан, конечно, лучше многих в космическом оборудовании разбирается, но и только.

Теперь вы хотите мне сказать, что любой взрослый муданжец может на коленке свинтить звездолёт? Что-то это пурга какая-то. Небось договорились навешать нам лапши, чтобы запугать потенциального противника. Дальше не слушаю, поглощаю ещё пирожок. Одна из старших девиц уже записывает за Тирбишем рецепт, да не один. Правда, с названиями ингредиентов у них большие проблемы. Кажется, в данный момент они путают кизил и барбарис. Похоже, Азамат в знании всеобщего лидирует с большим отрывом.

С того конца стола, который я перестала слушать, раздаётся взрыв детского хохота.

– Я сказал что-то смешное? – ядовито осведомляется Алтонгирел.

– Тебе ещё подтверждение нужно? – благодушно спраши-

вает кудрявый юнец напротив него.

Ой бли-и-ин, ой сейчас начнётся...

Подкрадываюсь к своим старшеньким, выискиваю взглядом соотечественницу.

– Над чем ржёте? – спрашиваю на родном.

– Фабиан спросил, какими качествами надо обладать, чтобы стать священником.

– И?

– А он сказал, что надо быть красивым и любить мужчин! – ржёт, покатывается.

– Я уверена, что он имел в виду людей, – возмущённо шепчу в ответ. – Они на всеобщем плохо говорят.

– Ну да, но ещё ведь и красивым быть обязательно! – выдавливает девчонка сквозь приступы хохота.

– Да, у них это очень важно, так что не вздумайте это обсуждать!

Дети понемногу утихают, но Алтонгирел продолжает злобно зыркать.

– Извините, – говорит тот парень, что выяснял про звездолёт. – Мы вас не совсем правильно поняли. Ничего смешного, простите, пожалуйста.

Кажется, пронесло. Ещё не хватало обвинить Алтонгирела в нетрадиционной ориентации. Они же дикие, у них вон к инвалидам терпимости никакой, куда уж к геям... А если учесть, что наш дорогой духовник ведёт себя, как ревнивая барышня, то можно ненароком не в бровь, а в глаз... О гос-

поди. Я только надеюсь, что Азамат с ним не спит. Я бы этого не пережила.

С обеда все, кроме меня и Алтонгирела, уходят в приподнятом настроении. Алтоша дуется, ворчит под нос и косится на Азамата. Я раз сорок повторяю детям, чтобы собирали вещи, помогаю мелким. При всём моём нежелании находиться даже в относительной близости от духовника я постоянно обнаруживаю себя в зоне слышимости его тенора.

– *А я думаю, что они тебя дразнили,* – бухтит он, исподлобья глядя на капитана.

– *А я предпочитаю выглядеть идиотом, чем провоцировать ссору.*

– *Конечно, тебе не привыкать ... обиду. А я-то, дурак, пытаюсь тебя защитить!*

– *Это у тебя всё равно не получится.*

– *Потому что ты не даёшь!*

– *И не дам. На меня работают лучшие ребята, и они меня выбрали не за то, что я нуждаюсь в защите.*

– *Они тебя выбрали за долю.*

– *Которая тоже не из воздуха берётся.*

Как ни стараюсь не слушать, а всё равно долетает. Боже мой, Алтонгирел! Лучшей защитой для Азамата было бы, если бы ты перестал ему напоминать, что она ему нужна.

Когда дети укомплектованы и мои собственные две блузки и заначка чистого белья припихнуты всё в тот же мешок с лекарствами, решаюсь напоследок навестить капитана, по-

проситься почту посмотреть. Мало ли, как там, на земном корабле с этим будет.

Где его каюта, я уже знаю, вчера я там с Алтонгирелом первый раз поссорилась. Всё-таки загадочный человек. Столько проблем создаёт себе и окружающим... Но, наверное, он и правда не хотел меня бить. Такие, как он, не быют. Они тихо каверзничают. Что, конечно, он ещё может успеть, гадюка подколотная.

Капитан мне улыбается, хотя Алтоша явно подпортил ему настроение после обеда.

– Извините за беспокойство, – говорю, стараясь излучать приязнь, – можно я ещё разок в почту гляну?

– Да, пожалуйста, – разворачивает ко мне бук, который у него, кажется, никогда не закрывается. Пока шарю по Сети да всякие пароли ввожу, исподтишка осматриваю каюту. Она небольшая, свет слегка приглушённый. Планировка такая же, как у меня, только кровать ещё больше и полками вообще все стены увешаны. Там в основном расставлены и навалены разномастные носители информации: диски разного объёма, флэшки всех форм и расцветок, винты, карточки, даже баночка с чипами из тех, что под кожу вшиваются, стоит. А на другой стене – батюшки, книги! Настоящие, бумажные... ну или хотя бы пластиковые, но реальные книги. Правда, вон те три, кажется, всё-таки электронные. Но всё равно богато!

Мама пишет:

В новостях ничего не видели, а у тебя телефон не отвечает. Смотри там, со всякими мудро-гошами не связывайся, у них небось гаремы по сорок человек, подцепишь ещё чего. Сашка с детьми свалил на дачу, они там наконец-то доделали отопление. Кот линяет, как будто щас июнь.

Звони из порта, как прилетишь, чего-нибудь сготовлю. А то знаю я, как в этом космосе кормят.

С минуту просто сижу и любуюсь на письмо. Как же там хорошо, дома. Зима, дача, кот... А у меня тут сплошная нерво-трёпка. Надо ей написать, что сегодня... Хотя кто его знает, когда мы на Землю-то прилетим. И ещё неизвестно, в какую страну. Да и вообще не сглазить бы. Мало ли что...

Телефон у меня сдох. Позвоню обязательно. Мудро-гоши обходят меня стороной :)))

Но тут весело :)

Так и отправляю. Хорошо, что муданжцы наши буквы читать не умеют, можно всё на виртуальной клавиатуре набрать, и никого не обидишь.

– Скучаете по дому? – спрашивает капитан, про которого я чуть не забыла.

– Ну да-а, в общем, вроде того...

– Я тоже, – кивает. Он сидит на краю кровати, прямо под иллюминатором, который, впрочем, завешен электронной картинкой – горы, у подножия какое-то жильё, на переднем плане травень по пояс. Это, видимо, и есть дом. Потому что эстетическая ценность весьма сомнительная.

Некоторое время молчим, но я побаиваюсь, что сейчас на меня польётся поток воспоминаний ветерана, так что решаю прервать воцарившееся понимание.

– У вас есть книги...

Он прослеживает мой взгляд.

– Да, есть. А у вас нету?

– Дома есть.

– У меня дома тоже были, но я там давно не живу, так что приходится тут хранить.

– Это... фикшн? – осторожно спрашиваю.

– Хм? Нет, это наши, муданжские книги. Предания, песни. Земные мне в электронном формате удобнее, быстрее искать незнакомые слова, – улыбается, видимо, вспоминая обед.

– Вы очень хорошо говорите на всеобщем, – ну надо же человеку напоследок комплимент сделать.

– Спасибо. Я люблю узнавать новое. Кстати, мне было очень интересно поговорить с вами о земной культуре.

– Мне тоже. Х-хотите... Мой адрес у вас в буке случайно сохранился... Пишите, установим культурный контакт.

Смотрит на меня так, как будто я – словарная статья, ко-

тору ему надо выучить. Догадывается, что адрес сохранился неслучайно?

— С удовольствием.

* * *

Из мемуаров Хотон-хон

Земной Союз был очень не рад произошедшему. Мрачный покрытый шрамами наёмник говорил убедительно, тем более что кое-кто из ветеранов Второй джсингошской кампании его опознал. Даже из Торговой палаты поступил отзыв, что, дескать, любой предприниматель, торгующий с Гарнетом, слыхал про Байч-Хараха, потому что на его выбор поставщика ориентируются все серьёзные наёмники. Кто-то что-то слышал и про его участие в Первой джсингошской кампании на стороне Земли, хотя в это уж совсем трудно было поверить. Сам великий ветеран Второй ДК маршал Ваткин авторитетно заявил, что пытаться окружить, поймать или как-либо перехитрить Байч-Хараха — себе дороже.

Доподлинно неизвестно, что заставляло разных людей, имеющих дело с Азаматом, так легко ему доверять — была ли это его грозная внешность и спокойная манера, его безупречная репутация, его боевая слава, наградившая его гордым прозвищем Байч-Харах (то есть в переводе «Ванька-Встанька»). Вот мударанжские Старейшины твёрдо знали, что такова была его судьба и воля богов.

В итоге на стыковку с мударанжским кораблём был выслан

*пассажирский шаттл с военным экипажем и инструкцией:
не стрелять, забрать детей, отдать сертификат на воз-
награждение, никаких глупостей.*

* * *

Вслед за детьми выхожу в стыковочный коридор – исклю-
чительно неприятное место. Стенки мягкие, шатает. Дверь
за мной закрывается, кому охота тепло терять. Даже рукой
помахать не успела. Ладно, нетбуки никто не отменял.

В дверях земного корабля стоит армеец в облегчённом
скафандре – на случай разгерметизации. Ведёт учёт нас,
щёлкает стилусом по экранчику. Я замыкаю очередь, мешок
через плечо, в голове пустота. Ну вот и моя очередь.

– Лиза Гринберг, – протягиваю ID.

Вбивает имя.

– Вас нет в списках.

– Я не пассажир, я персонал.

Щёлкает ещё. Рожа непроницаемая.

– Нет в списках.

Ты чё, тупой?

– Я бортовой медик.

– Бортовой медик Альнурахмед Гулиев.

– Кто?!

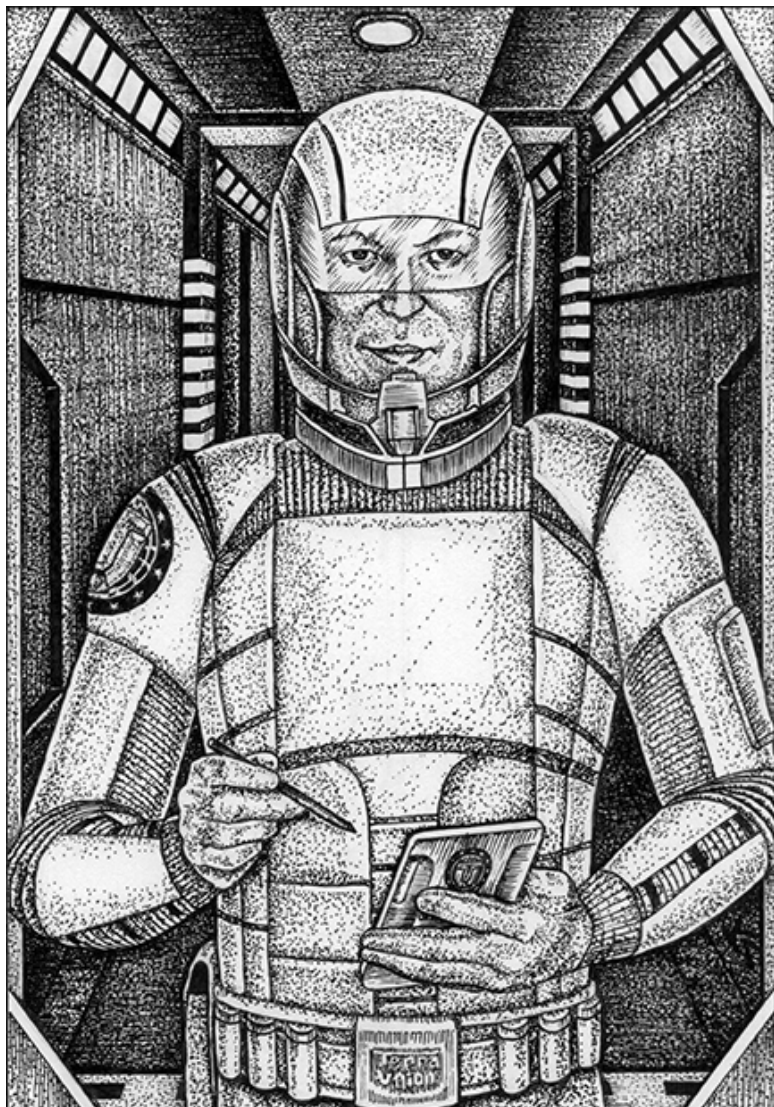
Такого не было на борту! Ой, стойте, это же какое-то кве-
бекское светило, вива глобализация. Я что-то про него чи-
тала... Они что, его по документам провели, а меня взяли,
чтобы платить меньше? Мамочки, что же делать?!

– Гу-лий-эв, – отдельно повторяет армеец. – Никаких Гринбергов. Мы не можем взять вас на борт.

– У вас информация по документам. Я не знала, что они меня не оформили. Но я была там на борту! Посмотрите портовые логи на посадку.

– Ага, щас я побегу вам логи смотреть. Летите обратно на свой Муданг. У нас чёткая инструкция никого лишнего не брать.

У меня начинается тихая истерика.

– Ну свяжитесь с начальством, пускай меня проверят! У меня брат инженер, Александр Гринберг, корабли ваши строит, мама Ирма, ландшафтный дизайн делала вокруг штаб-квартиры Земного Союза! Да в конце концов, откуда на Муданге блондинка с голубыми глазами, вы чего вообще?!

Всё лицо уже мокрое, даже блузку спереди закапало – слёзы, холодный пот...

– Это уж вам, девушка, виднее, на что там муданжцы похожи, а у меня инструкция, и время стыковки ограничено...

– Ну спросите детей, они вам скажут, что я была на борту!!

– Ка-анешно, я ещё кошечку вашу спросить забыл. И маму. Давайте идите обратно, шас уже будем отстыковываться.

И задвигает перед носом дверь.

Невероятное ощущение, когда висишь в открытом космосе в тонкостенной силиконовой трубе между двумя закрытыми дверями звездолётов, которые вот-вот разлетятся.

Кидаюсь обратно к муданжскому кораблю и – совершенно бессмысленно – принимаюсь лупить в дверь кулаками и каблуками. Если уж на этих штуках переборки звуконепроницаемые, то чего ждать от наружной двери.

Невероятно, но факт – она открывается. Я даже не понимаю, кто стоит на пороге, просто вваливаюсь внутрь и вцепляюсь в этого человека мёртвой хваткой, изо всех сил пытаюсь хоть как-то дышать сквозь рыдания. От человека хорошо

пахнет живым телом, стиральным гелем и гармаррой. Ещё одна дверь с шипением задвигается у меня за спиной.

– Почему вы вернулись?

– Меня не взяли, – выдавливаю между спазмами в горле. – Не взяли! Чёртовы бюрократы! Меня не было в их грёбанных списках!

Меня гладит по голове нежная рука.

– Ничего, ничего, мы что-нибудь придумаем. Успокойтесь, всё будет хорошо.

Пытаюсь кивнуть, дескать, я понимаю, что не помру прямо на этом месте, но и успокоиться так просто не выйдет.

Он аккуратно оттягивает меня за плечо, у моих губ край посуды, горячий пар гармарры. Пью, обжигаюсь, всё равно пью, потому что надо успокоиться.

Поднимаю взгляд, вижу в двух шагах слева бледного Тирбиша с кувшином, а сверху совсем близко на меня с участием смотрит Алтонгирел. Вот тут-то я и падаю в обморок.

Глава 5 В которой меряют, режут и ломают дрова

Просыпаюсь в *своей каюте*. Просто дом родной, ага. Освещение ночное, тёплое, вроде как уютно должно быть. Осторожно поворачиваю голову – оба моих красавца сидят у шкафа на полу по-турецки. Алтонгирел дремлет, Азамат читает что-то с экрана бука. Он с ним не расстанется, похоже.

Издаю какой-то невнятный шелест, и капитан сразу же оборачивается. Увидев, что я проснулась, он резво вскакивает, отставляет бук в сторону, подходит ко мне и приземляется на корточки рядом. И почему мне всегда казалось, что люди такого роста обязательно должны быть неповоротливыми?

– Лиза! Как вы себя чувствуете?

– Как Маугли, – ворчу, но он не понимает, конечно. Ладно, не стоит ему объяснять, что я чувствую себя так, будто меня бросили в лесу на растерзание волкам, а волки возьми да и пригрей меня. – Жить буду.

Подтягиваюсь, чтобы сесть, поправляю подушку. От шороха просыпается Алтонгирел, ещё мрачнее, чем обычно. Зыркает на Азамата злобно, потом на меня как на врага народа. Ох, чувствую, дальше мне будет ещё веселее.

– Вы не переживайте, – говорит тем временем Азамат. –

Мы сейчас держим курс на Гарнет. Правда, несколько окольным путём, но будем там через неделю. Оттуда ходят рейсовые корабли на Землю. Да вы знаете, наверное. Я понимаю, что место не самое приятное, но мы вас проводим и посадим, раз уж так получилось. К счастью, у нас в стыковочном коридоре видеонаблюдение включено было на всякий случай, если вдруг вам помощь понадобится...

Мне делается страшно неловко. Им же, наверное, некомфортно со мной на борту. Мне с высоким начальством-то некомфортно, вечно боишься что-нибудь не то сказать или надеть, а тут, понимаешь, богиня... Только вздохнули с облегчением, что я исчезну наконец, но оттуда вернули обратно. Не спали вон, сидели меня высиживали. Ужас. Теперь ещё на Гарнет попрутся ради меня. Очень хочется провалиться на месте.

– Только не думай, что мы из-за одной тебя на Гарнет летим, – приносит мне ворчливое облегчение Алтонгирел, выкабкиваясь из угла и разминая ноги. – Нам там подзакупиться надо.

Азамат косится на него осуждающе, но я даже нахожу в себе силы улыбнуться.

– Это хорошо, – говорю, – а то мне на самом деле страшно неудобно вас так напрягать.

Алтонгирел фыркает в том смысле, что всё мне удобно и вообще я это сама подстроила. Пусть думает, что хочет – пока Азамат рядом, я его не боюсь. Ничего, поживу с ни-

ми ещё недельку. Авось готовить что-нибудь прикольное научусь. И за культуру с капитаном перетрём. Жаль, они в космосе не пьют. Я бы много дала, чтобы посмотреть, как Азамат на хмельную голову рассказывает муданжские предания.

Это, конечно, всё забалтывание пустоты. Очень не хочется думать о том, что меня бросили свои, да ещё так картинно. И что чужие всё это увидели и сжалились. Я и так-то тут на птичьих правах, а теперь выглядит, как будто я и дома никому не нужна. Ну ничего, вот вернусь, я этим воякам устрою... А того, который меня не пустил, просто выгоню спать под забором. Уж что-что, а административные каверзы я подстраивать умею. Ради такого дела даже схожу на свидание с братовым начальником. Что это вообще за дела такие? Я им что, какая-то девчонка с улицы, что меня можно просто вот так взять и кинуть? Или они думают, что на людей, владеющих секретной информацией, можно просто наплевать? Вот доберусь до капитанского бука, сразу брату напишу во всех подробностях. Маме-то не стоит... И хорошо, что я ей не сказала, когда прилечу. Ладно, недельку моя гордость полежит в грязи, не проблема. Зато потом... Ух я их всех!

– Вам чего-нибудь принести? – спрашивает Азамат доброжелательно. Мгновенно краснею, забывая нафиг обо всех своих ратных планах.

– Ой-да-нет-спасибо! Я, наверное, посплю...

Алтонгирел, возвышающийся над плечом капитана, испепеляет меня взглядом. Я тебя не заставляла у меня в ногах на

коврике спать. И не думаю, что Азамат заставил, вот честно. Обиделся, что ли, что я при виде него в обморок грохнулась? А если б меня крокодил из зоопарка по голове погладил, то и вообще бы в уме повредилась, ничего удивительного.

Азамат смотрит на меня с весёлым умилением, как на принесённого с помойки котёнка. Видно, кому-то в детстве не разрешали зверька завести, вот он теперь и оттягивается. Зато он хотя бы не злится, что я осталась. Может, даже рад. Надо будет подумать, как бы ему ещё пару-тройку комплиментов скормить, якобы ненарочно. А пока что спать.

Принимаюсь закусываться в плед, и мои варвары просекают, что пора уходить. Капитан задерживается у двери, чтобы укрутить освещение.

Следующий раз просыпаюсь среди бела дня. В иллюминаторе бескрайняя заснеженная степь. Мне требуется некоторое умственное усилие, чтобы осознать, что это просто фотография. Наверное, если очень подолгу жить в космосе, то звёзды за окном начинают напрягать. Но я ещё не дошла до кондиции, так что решительно отключаю слайд-шоу и некоторое время созерцаю Вселенную. Мы на самом краю галактики Млечного пути со стороны Магеллановых облаков. Надеюсь, сквозь них не полетим? А то швырять будет, сквозь облако по прямой-то не летаешь.

Отлипаю от окна и возвращаюсь в грустную действительность. У меня по-прежнему одна юбка, две блузки, не считая

той, что на мне, и три комплекта белья. И туфли. Хоть из каюты не выходи. Интересно, если я завернусь в простыню а-ля сари, они поверят, что на Земле так принято? В любом случае придётся начать день с постирушки.

Помню, как в детстве, когда я впервые куда-то летела, мама очень переживала, как в космосе обстоит дело с мытьём. Она-то сама с Земли в жизни ни на метр не поднималась, даже на самолёте не летала, зато обожает всегда предполагать худшее. Вернувшись из первого межпланетного путешествия, я с большой гордостью за отечественного производителя разъяснила ей, что в космосе есть и ванна, и душ. Кое-где даже бани есть, не говоря уже о саунах с джакузями. Не одни мы комфорт любим.

Единственное, что меня в космосе не устраивает в плане удобства – это кухни. Их почему-то всегда делают единым блоком во всю стену, всё ужасно электронное, и поди разбери, кто тут плита, кто микроволновка, а кто посудомоечная машина. Так что я предпочитаю к ним не приближаться, а тарелки за собой мою тупо в раковине, благо всю сточную воду потом всё равно дистиллируют и запускают обратно. Потому, кстати, и под душем можно стоять хоть часами, тем более что дистиллят очень неохотно смывает мыло.

Развешиваю стиранные трусы на сушилке для полотенец. Как же прекрасно, когда есть своя ванная!

Выхожу в столовую с мокрой головой. Ещё одно достоинство жизни в космосе – никаких сквозняков. Однако прида-

вила я ничего так – завтрак уже кончился, людей никого, еды тоже не наблюдается. Они тут, похоже, из принципа обязательно съедают всё приготовленное подчистую. Видно, придётся всё-таки общаться с кухней. Есть, конечно, тот уголок столовой, где водогрейка и всякие чаи в шкафчике, но там еду не приготовить, разве что растворимый супчик отыщется.

Ну что ж, если Азамат и впрямь сам этот корабль строил или хотя бы проектировал, то огромный ему респект. Кухня почти человеческая, ничего похожего на обычную глухую стену из затемнённого стекла с сенсорными кнопками. Вот плита с огромной духовкой, отдельно от неё микроволновка. Две раковины, разделочный стол под быка примерно. Ещё бы еда была...

Соображаю, что холодильный отсек обычно не прямо в кухне, где тепло, а где-нибудь в сторонке. Осматриваюсь – вон какая-то дверь. Сую нос: и правда, внутри рядок холодильных шкафов. Но это же для долгого хранения которые, а где расходный?

Из раздумий, а заодно и из холодильного отсека меня вырывает удивлённый голос Тирбиша:

– Ой, здрасьте!

Оборачиваюсь смущённо. Вроде как с поличным поймали.

– Привет. Я просто искала что-нибудь на завтрак...

– А, вы же не завтракали, – вспоминает он. – Но там вы

ничего не найдёте готового, всё, что есть, тут.

Открывает один из шкафчиков под разделочным столом, там и правда небольшой холодильник. Хорошо спрятали, и не догадаешься.

– Там, правда, мало, – извиняется Тирбиш. – Мы давно купались, вот на Гарнет прилетим...

Там и правда негусто. Молоко, масло, какие-то йогурты, какие-то ягоды. Извлекаю два последних наименования, восторженно смотрю на Тирбиша, мол, это можно?

– Тоже любите нирш? – спрашивает, улыбаясь. Мучительно вспоминаю, что нирш – это муданжская разновидность черники. Вот эти самые красные ягоды размером с черешню – это черника?! Ого-го.

– Наверно, – говорю. – Только у нас она по-другому выглядит. А йогурты можно съесть?

– А это я не знаю что, – смеётся. – Прошлый раз на Гарнете прихватил попробовать, никому не понравилось.

Осматриваю добычу: блок из шести небольших стаканчиков – ваниль, дыня, маракуйя, – срок годности не истёк ещё, цветные маркеры синенькие без намёка на фиолетовость, а есть нельзя, только когда покраснеют... Чего им не так? Открываю один, нюхаю. Ну йогурт.

– Да вроде всё нормально, – говорю.

– Ну если вам нравится, то ешьте. Я просто не понимаю, как можно из молока что-то сладкое делать, – поводит плечами с лёгким омерзением. Записать в книжечку о нацио-

нальной кухне: молочные продукты все несладкие.

– А, – отмахиваюсь, – на Земле из всего сладкое делают, даже из рыбы.

Забавляюсь, наблюдая, как паренёк зеленеет лицом.

– Не надо мне таких ужасов рассказывать, – говорит. – Мне щас ещё обед готовить.

Хихикаю, намешиваю в йогурт ягод и углубляюсь в завтрак. Ничего черника, самое оно.

– А ты как, специально поваром нанимался? – спрашиваю потихоньку. Раз уж мне тут неделю жить, надо хоть разобратся в иерархии.

– Не совсем. Я такой же член команды, как и другие, а за готовку просто получаю дополнительно. Так же, как пилоты. В принципе и готовить, и рулить все умеют, но удобнее, чтобы это было чьей-то обязанностью, и надбавка идёт.

– А-а, – говорю глубокомысленно. – Так, наверное, ещё механики есть? Или там снайперы?

– Куда при нашем капитане ещё механика, – смеётся. – Он к своему кораблю никого не подпустит.

– Он что, правда его сам построил целиком?

– Ну всякие тонкие механизмы ему, конечно, делали на заказ. Но собирал сам. Он хотел одно время свой завод создать, но не нашёл подходящего места. Хочется, конечно, на Муданге, но ведь нельзя...

– Почему нельзя?

Тирбиш смотрит на меня с сомнением.

– Знаете, я лучше у капитана за спиной вам рассказывать не буду.

Пожимаю плечами, дескать, я не шпион, мне ваших секретов не надо.

– Да пожалста, – говорю. Но заканчивать разговор на этом неловко будет. – То есть все остальные одинаково получают, что ли?

– Ну ещё Алтонгирел. Он же духовник, и его в этом никто заменить не может, так что он, конечно, тоже надбавку получает.

Ну а куда же без него, родимого! Не удивлюсь, если он получает больше, чем сам Азамат.

Тирбиш начинает что-то мурлыкать под нос, разминая тесто. Соображаю, что это, пожалуй, первый раз, когда я вижу парня моложе себя за готовкой. И он сказал, это все умеют? Видимо, на Муданге с полуфабрикатами плохо. Ни один землянин в здравом уме в космосе с тестом возиться не будет, купит готовые пирожки и погрееет. Я и на Земле-то, кроме мамы, мало кого знаю, кто готовит, даже по праздникам. Умиротворяющее занятие, но уж очень долгое. А этому вон нравится, похоже.

Он тоже высокий, как все муданжцы, примерно с Алтонгирела, капитану по подбородок. Волосы стрижёт чуть ниже ушей. Кстати, вчера за обедом, когда вся команда собралась, я поняла, что длинные волосы носит хорошо если половина наёмников, и то старшая. Молодняк щеголяет всякими

навороченными хохлами и чёлками, у некоторых даже перекрашенные пряди есть. Тирбиш, впрочем, не из тех, кто выпендривается. Лицо у него круглое, с крупными чертами и совсем слегка монголоидное. Если не знать, что муданжец, так и не догадаешься.

Он подходит к плите и зажигает огонь. Я аж подскакиваю.

– Ой, газ! – говорю удивлённо. В космосе?!

Оборачивается, глаза по семь копеек:

– Что? Где?

– Я говорю, плита газовая! Я думала, электрическая...

– Газовая? Не-ет, – смеётся облегчённо. – Это не газ. Это... э-э-э... горячий камень. Вот, смотрите.

Достаёт откуда-то из тумбочки диск, больше всего похожий на конфорку электрической плиты. Тёмный такой, тяжёлый. Вы хотите сказать, что это он горит?

– Он не горит, – объясняет Тирбиш. – Только светится синим слегка, когда греется.

Присматриваюсь к плите: и правда никаких языков пламени, просто ровное свечение, хотя цвет точно как у газа. С ума сойти. Интересно, что это за хрень.

– Его у нас на Муданге добывают, – продолжает Тирбиш, – и все плиты из него делают. Одна такая пластинка примерно год работает, потом менять надо.

– А что будете делать, когда весь пережжёте? – спрашиваю с национальным земным пафосом устойчивого природопользователя.

– Отвозим обратно, где добыли. Пару лет полежит, и опять жечь можно, – пожимает плечами Тирбиш. Дескать, это же очевидно.

Хорошо устроились. Я тоже так хочу, чтобы только за перевозки платить. Небось они там уже столько этих дисков настрогали, что и заново выпиливать не надо, просто свои же старые забираешь, когда понадобятся.

По-хорошему, хватит мне мешать повару, надо уже идти отсюда. Но дел-то у меня никаких нет и даже безделья нет, а от вязания я за неделю и так охренеть успею. На моё счастье, тут в кухню заходит давешний кудрявый юнец.

– Тирб... А, здравствуйте, Лиза, – кивает мне. – Я Эцаган.

– Очень приятно, – говорю. Надо же, представился. – Мне надо вам ещё раз назваться? Я никак не разберусь в этих правилах с именами.

Оба смеются.

– Не надо, – говорит Тирбиш. – Вы ведь, наверное, не знаете, как правильно, так что это всё равно.

Ну ладно...

– Тирбиш, – Эцаган возвращается к тому, за чем пришёл. – *Там твои тряпки весь склад завалили. Они тебе нужны?*

– Не знаю, – пожимает плечами. – Хорошие тряпки. Я их вроде свернул аккуратно.

Это внезапно наводит меня на мысль. Надеюсь, они ниче-

го не заподозрят.

– Слушайте, ребят, – говорю, – а у вас какой-нибудь форменной одежды для заложников не предусмотрено? А то у меня совсем ничего нет, а ещё неделю тут жить...

– *Вот правильно,* – хихикает Тирбиш. – *Чем мои тряпки выкидывать, обеспечить лучшие земную госпожу.*

Эцаган окидывает меня взором своих прекрасных глаз.

– На ваш размер вряд ли. Разве что халат какой-нибудь. Пойдёмте посмотрим.

Идём смотреть. Склад оказывается небольшим чуланом, заставленным стеллажами с коробками, прямо у входа красуются несколько рулонов ткани – видимо, те самые тряпки. Эцаган утыкается в нижнюю полку и принимается там шуровать, бормоча на муданжском.

– Вот, футболка есть, – говорит с сомнением. Футболка, да, чёрная, новая, бирочка не отрезана ещё. Спереди во всю грудь лист каннабиса. В эту футболку меня можно дважды завернуть. Ничо, в качестве ночнушки пойдёт. Беру.

Он роется дальше, достаёт строительные штаны на лямках, которые, по-моему, и Азамату велики, да ещё и прорезиненные. Смотрит на мою физиономию, ржёт.

– Боюсь, что больше ничего нет.

– А может, – кошусь на рулоны, – есть какая-нибудь простыня ненужная... Я бы сшила что-нибудь...

– А, так вы шьёте! – резко воодушевляется Эцаган, вска-

кивая на ноги.

Это большая редкость?

– Ну так... Не то чтобы много, но умею, – говорю осторожно. Ещё припадет всему экипажу носки зашивать.

– Тогда не проблема, вон, берите Тирбишевы тряпки, я вам машинку дам, нитки и всё на свете.

Ух ты, у них даже машинка есть?

– А Тирбиша спросить не надо?

– А он всё равно не знает, что с ними делать. Ему подsunули в нагрузку к постельному белью, а на этом корабле, кроме меня, никто иголку держать не умеет. Я и от вас не ожидал.

– Ну почему же...

Вроде шитьё во всех культурах женское дело, нет?

– Красивые женщины часто пренебрегают, – пожимает плечами. Зато красивые мужчины, видимо, нет.

Один из рулонов оказывается вовсе ковром, остальные – более или менее плотным хлопком. Все они довольно светлые в жизнеутверждающий цветочек. Ничего, маменька на даче ещё и не такое носит. Да и не только на даче...

Эцаган великодушно пускает меня к себе в каюту, где обнаруживается немаленькое трюмо, на котором ненавязчиво красуется пакетик с термобигудями. Они тут все голубые, что ли? Ладно, мне с ним не целоваться. Зато про кудри теперь понятно.

Рядом с трюмо большой комод, из которого Эцаган начинает проворно извлекать нитки, иголки, булавки, ножницы

и, наконец, портативную швейную машинку весьма приличной фирмы. Меня в своё время на такую жаба задушила.

– Вам лучше всего расположиться в холле, – говорит он мне, и я некоторое время соображаю, что он имеет в виду. – Там можно сдвинуть столики. А то в кухне Тирбиш ворчит, если столы не так стоят.

А, так это он про гостиную. Но она же проходная...

– А я там мешать никому не буду?

– А кого туда понесёт посреди дня?

Как выяснилось, понесло всех. По крайней мере, раз в каждые десять-пятнадцать минут обязательно кто-нибудь пройдёт попятиться, как земная женщина кроит. Хорошо хоть я догадалась обмериться у себя в каюте. Зато теперь весь экипаж в лицо знаю. И кто застенчивее – только мимо проскакал, а кто наглее – остановился поговорить. Ох и достали...

Положение, как обычно, спасает капитан.

– Не возражаете, если я тут в уголке почитаю? – спрашивает он меня ещё из коридора. Бук под мышкой, как приклеенный.

– Я всегда рада вашему обществу, – улыбаюсь. Приятно хорошего человека порадовать! Когда он проходит мимо, мне кажется, что в комнате становится ярче, хотя он и одет в тёмное.

В отличие от прочих моих посетителей, он действительно

но просто садится в кресло и углубляется в чтение. Через несколько минут уже я не выдерживаю.

– А можно спросить, что вы всё время читаете?

Поднимает голову, смотрит на меня укоризненно. Ну ладно, молчу.

– Лиза, оставьте вы эту вежливость. Конечно можно спросить!

О боже мой.

– Тогда уж и вы оставьте, – хмыкаю. – Как будто я вас могу не пустить в ваш собственный холл.

– Можете, – уверенно говорит он.

Вылупляюсь на него в ужасе.

– Нет, поверьте, не могу.

Смотрит на меня задумчиво.

– Это так странно, насколько у нас не совпадают представления о социальных ролях друг друга.

Почти роняю машинку. Ка-ак ты сказал?! Нет, ну давайте теперь окажется, что ты на самом деле всемирно известный антрополог, а это всё большой эксперимент по адаптации землянина к инопланетной среде!

– Я что-то неправильно сказал? – спрашивает встревожено.

– Да нет... Просто я немножко не ожидала... – да, не ожидала я от дикаря, жрущего с кости сырое мясо, что он знает, что такое социальные роли. Это можно сказать вежливо?

– Ну, я решил, раз уж нам ещё неделю предстоит тесно

общаться, мне стоит почитать про земной этикет, – немного смущается он. – Не хочется вас ненароком обидеть.

– Ы... э... это очень мило с вашей стороны, – выдавливаю. Госспادي, вот это я понимаю – человек! Не просто вежливый, а книжки специально читает, чтобы знать, как именно быть вежливым! Внезапно совершенно непрошено вспоминается Кирилл, хохочущий над выражением «одноййцевые близнецы». М-да, мы много чего принимаем как данность.

Азамат наблюдает за мной горящими глазами экспериментатора.

– Удивительно, – говорит он наконец. – Удивительно...

Результатом моих трудов явились штаны на завязочках, две довольно бесформенные толстовки и ковриковые тапочки. Дошив, я немедленно удалилась в ближайшую пустую каюту (которую капитан мне услужливо открыл) и наконец-то переоделась. О, это счастье удобных шмоток и плоской подошвы!!!

Выхожу, улыбка шире ушей.

– Ну что, на пижаму хотя бы похоже? – спрашиваю Азамата, крутясь на месте и стараясь рассмотреть, не пузырится ли где-нибудь что-нибудь.

– Немножко похоже из-за расцветки, – смеётся капитан. – Сделайте пояс, и будет в самый раз.

Да, пожалуй, пояс не мешает. Ну да это быстро, с машинкой-то. Вот уже и прострочила.

– Лучше? – верчусь на одной ноге посреди холла.

– Очаровательно, – говорит капитан. Не понимаю, иронично или нет.

– Пир для глаз, – цедит другой голос со стороны коридора. Алтонгирел! Блин! Ну вот надо же было, чтобы его принесло именно сейчас, когда я тут перед капитаном выделываюсь. Теперь он меня точно со свету сживёт. – Я пришёл спросить, – продолжает он, обращаясь прицельно к Азамату, – собираешься ли ты снизойти до нашего общества в кухне?

– А, уже пора, – Азамат быстро закрывает бук и встаёт. – С удовольствием.

– Никогда бы не подумал, что вид женщины в брюках улучшает твой аппетит, – надменно произносит Алтонгирел и уносится прочь. Азамат смотрит на меня извиняющимся взглядом и пожимает плечами. Ну да, конечно, ты не знаешь, почему его так колбасит.

– Что-то не так с брюками? – притворяюсь, что поведение Алтонгирела меня нисколько не смущает.

– На Муданге женщины их обычно не носят, разве что зимой или на всяких грязных работах...

А что ж ты раньше-то молчал?!

– Но вы не волнуйтесь, – продолжает. У меня на лице бегающая строка с мыслями, что ли? – Здесь-то все привычные, космос ведь.

Ну да. Алтонгирел один никак привыкнуть не может. Ин-

тересно, у геев есть какой-то мужской вариант ПМС или Алтоша всегда такой?

Впрочем, за обедом на меня не пялятся, даже при том, что штаны у меня голубые в лиловый цветочек, а рубашка розовая в жёлтый. Наверное, в муданжском национальном костюме приветствуются яркие краски и растительные мотивы.

После еды потихоньку увязываюсь за капитаном на предмет воспользоваться его буком (с которым он всё-таки расстался на время обеда).

– Ах да, конечно, вам нужно предупредить родных, что вы позже вернётесь, – кивает он, как мне кажется, с иронией. – Я должен был сам сообразить, простите. Давно не общался с незамужними девушками.

Моргаю. Какая связь? .

– Я... э-э... не совсем незамужняя, – говорю. – Я как бы вдова.

Ну, допустим, мы с Кириллом не расписывались, но сути это не меняет. А у этих дикарей небось какие-нибудь предубеждения против внебрачного секса.

– Простите ради всего святого, – принимается тараторить капитан. Ну да, ну да, сейчас будет два вагона сожалений.

– Ничего-ничего, я понимаю, что на мне не написано, – похлопываю его по руке, запоздало соображая, что на него этот жест должен действовать гораздо сильнее, чем на среднего землянина. Ну хотя бы он замолкает. – Я просто не по-

няля, какая связь между тем, чтобы предупредить родных, и матримониальным статусом?

Получи, фашист, гранату. В смысле, умное слово.

– У нас обычно женщины после замужества перестают поддерживать связь с родителями, – ничего, сглотнул и переварил, умница мой!

– Ну, у нас не так, – пожимаю плечами. – То есть обычно это зависит от того, насколько твои родители приятные люди. Тем более я сейчас с мамой живу, так что она имеет право знать о моих планах.

– Ну да, наверное, – неловко улыбается. Ну вот, будет теперь меня стесняться ещё вдвое больше. Ну что мне, стать женщиной без прошлого в худших традициях мыльных опер? Иногда даже злюсь на Кирилла, что из-за него все вокруг меня вытанцовывают, как будто я раковая больная.

Подходим к каюте, я останавливаюсь в ожидании, что капитан достанет пульт и отопрёт.

– Толкайте, у меня замок размагнитился, до Гарнета не починить, – поясняет Азамат.

– А я-то думала, вы гений механики, – хмыкаю, открывая дверь.

– Вы что, с кем-то поспорили, сколько комплиментов в сутки вы можете мне сделать? – смеётся. – Можно замок и починить, конечно. Можно и с другой двери снять. Но в итоге всё равно менять придётся, так зачем из-за одной недели тратить день на бессмысленную работу?

– Да ладно, вам виднее, – пожимаю плечами. – И ни с кем я не спорила. Можно подумать, мне нужен специальный сти-
мул, чтобы делать вам комплименты.

Качает головой, прикручивает свет – совсем чуть-чуть. Похоже, не любит яркое освещение. Подозреваю, что и зер-
кала в ванной не держит. Ох уж эти варвары.

Берёт с полки бук, протягивает мне, а сам поворачивает-
ся спиной и утыкается в иллюминатор с очередным зимним
пейзажем. Видимо, у него на родине сейчас зима. Замечаю,
что с постоянным чувством неловкости можно свыкнуться –
вот, сижу у капитана за столом, за его же буком, ничего ему
делать не даю, но жить мне это уже не мешает.

Мама пишет:

>>Телефон у меня сдох. Позвоню обязательно.

**Вижу в этом логическое противоречие. Ну да тебе
виднее, с чего ты там позвонишь.**

>> Мудо-гоши обходят меня стороной

**Так они там всё-таки есть? И как, правда на чёрных
китайцев похожи? Попроси сфотографироваться на
память!**

Да, чувство реальности у моей родительницы всегда за-
шкаливало. Впрочем, лучше уж так, чем если бы она волно-
валась. Отвечаю:

>>Ну да тебе виднее, с чего ты там позвонишь.

С того же, с чего сфотографирую. Придётся подождать, пока новое куплю.

>> И как, правда на чёрных китайцев похожи?

Джингоши – на чёрных, муданжцы – на краснокожих.

Пусть учится различать. Вдруг я как-нибудь Азамата в гости приглашу? Ему, наверное, не понравится, если его с джингошами перепутают.

Так, теперь брат. Ох, сколько же сейчас писать придётся...

Строчу и строчу. Вообще не люблю сенсорные клавиатуры, но тут она очень к месту пришлась. Потому что раскладку я наизусть не помню, искала бы сейчас каждую букву по полчаса, а так клавиатура – тот же экран, какие надо клавиши, такие и отрисует. А потом так же тихо поменяется обратно на латиницу. Интересно, наверное, можно и муданжскую раскладку вызвать.

– Решили наконец описать ситуацию в подробностях? – спрашивает капитан. Ой, я же его динамлю...

– Я брату пишу, чтобы он этого урода нашёл, который меня не пустил. Сейчас уже закончу, извините.

– Ничего, пишите-пишите. А то меня Алтонгирел ругает, что я круглые сутки за буком сижу, – хмыкает капитан. Он, кажется, нашёл себе занятие: включил ночник и ковыряется в каком-то маленьком предмете. Видимо, решил оправдать мои комплименты и что-то починить.

Отправляю письмо, дожидаясь подтверждения о доставке, закрываю почту.

– Я всё, – говорю.

– Ага. Можете ещё посидеть, я тут увлёкся.

Ещё посидеть... Ну не буду же я с его бука обновления на вязальном сообществе смотреть, правда? Разве что расписание рейсов с Гарнета...

Бук внезапно издаёт громкий булькающий звук, я аж отшатываюсь.

– Это видеовызов, – через плечо сообщает капитан.

Ах да, теперь узнала. Просто окно вызова появилось с задержкой. Собираюсь встать, чтобы пустить капитана поговорить, как внезапно осознаю, что вызывающий – мой брат. Это же его ник и аватарка...

– Кажется, это мой брат, – говорю в лёгком ужасе. Я что, спалила Азамата?..

– Да? – он оглядывается довольно равнодушно. – Ну так отвечайте, я выйду из кадра.

Чемпионат по неадекватному поведению дубль два. Ладно, ответить-то надо, а то Сашка будет волноваться... Жму «Принять».

– Лизка! Что там у тебя за чума? Я только твоё письмо открыл, сразу кинулся искать канал, – Сашка, конечно, говорит на родном. Он дома, валяется на кровати. Футболка на нём линялая. На заднем плане дети пищат.

– Э-э, да у меня всё ништяк, только эти уроды, ко-

торые меня наняли, по документам провели другого чувака, и в итоге меня не было в списках. И меня, конечно, не взяли на борт!

– И где ты сейчас?

– На корабле мударжских наёмников, – говорю с нехорошим предчувствием. Ой, сейчас что-то будет.

– Мударжских, – бессмысленно повторяет Сашка.

– Ты, – говорю, – не тверди это слово. Тут один присутствует. Они по-нашему не понимают, конечно...

– А ты с ними... на ихнем, что ли?

– Нет, на всеобщем. Они не знают, что я ихний...

Что-то заставляет меня говорить по возможности неразборчиво. Мало ли, какие у Азамата ещё неожиданные познания обнаружатся.

– И... как они с тобой обращаются?

– Бережно. Вот, сижу сейчас за капитанским буком.

– Они вообще на людей-то похожи?

– Более чем.

– Дай посмотреть!

Так, ну, волноваться он не будет, похоже. Это хорошо. Зато будет прикалываться. Это плохо...

– Мне... как бы... не очень удобно. И так человека от дел отрываю, бук отобрала, ещё и достопримечательность из него устраивать...

– Ну дай я с ним парой слов перекинусь! Пусть знает, что у тебя есть грозный брат.

– Боюсь, что на его фоне ты грозным не покажешься, – хихикаю.

– Ну, Лизка, в самом деле! – он начинает сердиться. – Тебя похитили какие-то уроды, а ты даже не даёшь мне запомнить в лицо их главаря? А если они тебя не отпустят? Вообще, может, ты там под дулом сидишь!

О господи. Ладно, похоже, придётся успокоить этого параноика, пока психовозка не приехала. Нет, я, конечно, понимаю, что с его стороны моя ситуация выглядит жутковато. Она и с моей стороны ещё совсем недавно казалась сущим кошмаром. Но теперь-то я понимаю, что всё хорошо! Всегда ненавидела, когда родные за меня волнуются.

Оглядываюсь. Азамат сидит в ногах кровати, как бы в глубокой задумчивости.

– Азамат-ахмад, – зову негромко. Оборачивается. Даже насчёт обращения не шепечит. – Вы не можете немножко поговорить с моим братом? А то он волнуется.

– Боюсь, что не понимаю языка, на котором вы говорите, – отвечает Азамат своим низким раскатистым голосом. Сашка на экране выглядит так, как будто готовится ко встрече с Кинг-Конгом.

– Он понимает на всеобщем, – хихикаю.

Азамат смотрит на меня с сомнением.

– Может, лучше я кого-нибудь другого позову? А то мой вид скорее заставит его волноваться больше, а не меньше.

Поскольку этим кем-нибудь, скорее всего, будет Алтонги-

рел, я спешу возразить.

– Нет-нет, ему будет намного спокойнее поговорить с капитаном!

Азамат ещё секунду раздумывает, потом неохотно встаёт и подходит к экрану. Ох и достала же я его, наверное. Надо будет потом его как-нибудь задобрить, а то совсем стыдно.

Сашка, видимо, уже представил себе киборга со щупальцами, потому что при появлении Азамата на экране вообще никак не переменяется в лице.

– Здравствуйте, – говорит. – Меня зовут Александр, я Лизин брат.

Ох, надо же было его предупредить насчёт имён!!! Бедный Азамат.

– Здравствуйте, – кивает капитан с непроницаемым выражением. – Я Азамат. Чем могу быть полезен?

Сашка несколько теряется. Ну да, а что тут скажешь? Не смей лапать мою сестру, инопланетная собака?

– Я только хотел убедиться, что у Лизы всё хорошо, – неловко произносит он.

– Не знаю уж, как вы собрались в этом убеждаться, – хмыкает Азамат, – могу только пообещать доставить её на Гарнет в целости.

Сашка неуверенно кивает.

– Спасибо.

Азамату, видимо, становится его жалко.

– Мне было чрезвычайно приятно познакомиться с вашей

сестрой, – говорит он с улыбкой. – Она очень интересный человек, тем более что я до сих пор довольно мало общался с землянами.

Решил отплатить мне за комплименты? Фиг я покраснею, сама знаю, что я интересный человек. Сашка, впрочем, явно воспрядаёт духом.

– Да, Лизка – она такая, – лыбится как идиот. – Я думаю, ей тоже с вами очень интересно, господин капитан. Ну, не буду вас больше задерживать. Лиз, счастливо тебе добратся!

– Пока! – говорю, и он отключается. Я осторожно смотрю на Азамата.

– Извините... – начинаю, но он вдруг зажимает уши.

– Хватит! – отрезает. – Хватит с меня ваших земных реверансов! Господин капитан, тоже мне... Он бы ещё поклонился.

– Он не издевался, он же не знает... – пытаюсь робко защитить Сашку.

– Чего он не знает?! – Азамат закатывает глаза. Знаю, от кого нахвтался.

– Что он красивее вас, – развожу руками.

Смотрит на меня как на законченную идиотку. Наверное, и правда звучит глупо.

– Не надо мне говорить, что это не очевидно, – отдельно произносит Азамат.

– Не очевидно, что из-за этого он может меньше вас ува-

жать, – формулирую наконец. Капитан некоторое время это переваривает.

– Глупо уважать того, на кого противно смотреть.

Теперь уже я перевариваю чужую философию.

– Противно смотреть на сволочь, – говорю в итоге. – Или на алкоголика. А вам просто хороший врач вовремя не попался, это с каждым может случиться.

Как я люблю душеспасительные беседы с калеками! В той больнице, где я проходила ординатуру, а потом работала, меня к инвалидам близко не подпускали, чтобы потом им на антидепрессанты не разориться. Ну и конечно, теперь мне приходится успокаивать пострадавшего с историей унижений, да ещё и в экстренной ситуации. Типичное моё везение. А если бы тут была слюнявая собака, то ей было бы обязательно спать именно у меня в ногах.

Впрочем, любви к человечеству у меня, может, и мало, но Азамату хочется помочь вполне искренне. Конечно, лучшей помощью ему была бы пластическая операция, но, боюсь, такие повреждения всё-таки необратимы, так что лучше даже не заикаться.

Он всё сидит и смотрит на меня скептически, как будто я только что выдумала то, что сказала, и ни грамма правды в этом нет. И у меня сносит тормоза. На заднем плане в голове звучат какие-то соображения про личное пространство, непредсказуемый исход и прочее не-лезь-не-в-своё-дело, но я ощущаю себя как будто в скафандре, как будто вся-

кие внешние процессы не имеют надо мной силы. Как будто для моего «я» неважно, какова будет реакция на мои действия.

Поднимаю руку и по возможности ласково глажу его по изуродованной щеке. Не знаю, правда, чувствует ли он хоть что-нибудь сквозь все эти рубцы. Он смотрит на меня, как под гипнозом, и я провожу ладонью ещё раз, теперь снизу вверх. Кожа шершавая, цепляется. Надо же мазать восстанавливающим кремом, а то так и будет шелушиться. Но он, конечно, не станет. Ох уж эти мужики.

Он отстраняется.

– Пожалуй, это доказательно.

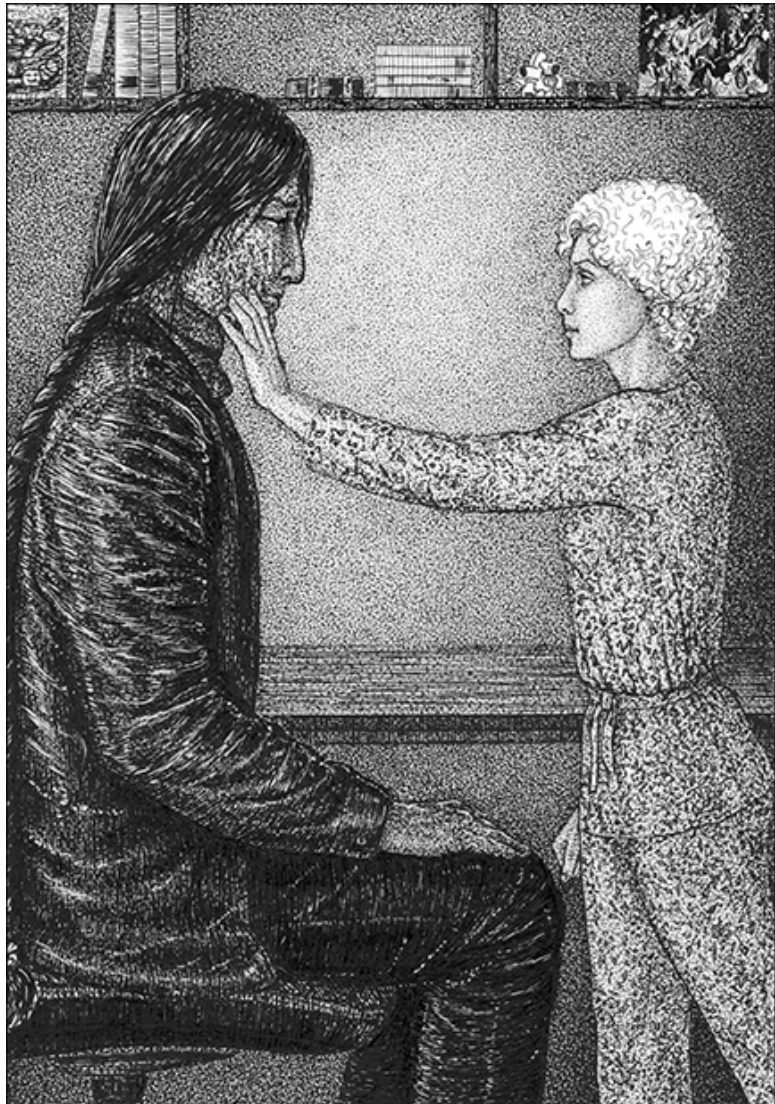
Моргаю.

– Что?..

– Я верю, что ваш брат не издевался. Извините. Мне надо зайти к пилотам. Если вам ещё нужен компьютер, пользуйтесь.

И выходит.

Господи, руки мне оторвать! Как я теперь с ним ещё неделю под одной крышей?..

Глава 6 В которой не всё происходит на самом деле

Сижу у себя в каюте, вяжу как заведённая. Как будто, если руки останутся, дышать перестану. Стук в дверь. Нет, настоящий стук в дверь я бы не услышала, конечно, но тут звонок так настроен. Потрогаешь дверь снаружи – внутри стучит. Вот когда мы с Алтонгирелом ругались у Азамата под дверью, кто-то из нас её коснулся... Славные были времена.

Открываю не глядя, пусть там хоть сама смерть за мной пришла... и быстро понимаю свою ошибку: за дверью Алтонгирел. Стоит, молчит. Каюту мою осматривает.

– Добрый вечер, – говорю хриловато. Ну, чего хотел-то, выкладывай уже!

– Ты не знаешь, где Азамат? – спрашивает без выражения.

– Собирался о чём-то поговорить с пилотами, – отвечаю, мучительно вспомнив, что он там сказал, когда от меня драпал. Сильно сомневаюсь, что ему действительно нужно было к пилотам.

– Тебе он, значит, отчитывается, – замечает Алтонгирел.

Пожимаю плечами. Лучше сейчас духовника не злить, ещё не факт, что Азамат прибежит на мои вопли после нашего душещипательного расставания. Впрочем, Алтонгирел решает, что достаточно налюбовался на меня, и уходит.

Жму на закрывание двери, а сама всё ощутичее дёргаюсь. Он явно ожидал увидеть Азамата у меня. Почему? Думает, мы вообще не расстаёмся, что ли? Или он уже проверил кухню, гостиную, каюту... и прочие места, где капитан может быть, а его там нет? Блин, ну не прячется же он от меня под столом! Вообще, что за бред, здоровенный мужик на собственном корабле... Ну не нравится со мной – не общайся. Я тихо посижу до высадки. Нет, надо нагнести трагедию, а сейчас Алтоша его найдёт, ещё не дай бог выведает, что я его потрогала, а потом примется мне кнопки на стул подкладывать. Или там перец в чай. Супер.

С постепенно ухудшающимся (хотя, казалось бы, куда ещё?) настроением продолжаю вязать до ужина, периодически порываясь куда-нибудь пойти и сознаться в паре преступлений, только непонятно, кому и в каких. Вроде ничего не сделала, а чувство, как будто вот-вот загребут. На ужин, впрочем, я бы не пошла – какая еда, когда внутри всё в узлы завязалось – но постучался Тирбиш и позвал. Если б я ещё ему отказала, то побила бы личный рекорд по количеству оскорблений в сутки.

Ну, во всяком случае, Азамат нашёлся. Может, Алтонгирел просто воспользовался случаем меня попугать. Сажусь подальше от обоих, поглядываю исподтишка. Азамат выглядит нормально, если только немного задумчиво. Зачерпнёт ложку – и зависает. Зато Алтонгирел присутствует в реальности во всей красе – как глянул на меня разок, я чуть от пи-

алы край не откусила. Надо будет попросить Тирбиша проводить меня до каюты потом, а то не видать мне Гарнета.

Тирбиш, кстати, рассказывает что-то смешное. Наёмники похохатывают. Я мучительно пью какую-то на редкость невкусную зелёную гажу. Просить чаю не решаюсь. Сидящий с краю мужик с родинкой перехватывает инициативу в разговоре:

– Я этой джингошской морде объясняю-объясняю про электричество, уже нарисовал всё, расписал... Он тыкает пальцем в синусоиду и говорит: «Провод же прямой, как это может там помещаться?!»

Народ грохает, надеюсь, никто не замечает, как меня скрючило. Притворяюсь, что подавилась. Тирбиш поворачивается ко мне, утирает глаза.

– Вы извините, что мы на муданжском разговариваем, вам скучно, наверное...

– Да ничего, – говорю, покашливая. – Я вон не понимаю и давлюсь, а судя по тому, как вы ржёте, я вообще живой бы не ушла.

Гогочут.

– А вы сами расскажите что-нибудь весёлое с Земли, – просит юноша классического индейского вида.

Напрягаю мозги, пытаюсь вспомнить что-нибудь, что не потребует тонны объяснений.

– Ну вот однажды лежала у нас одна бабулька со сломанной ногой. Медсестра приносит ей обед, а бабулька жалуется

ся, мол, у меня мышь в тумбочке. Ну сестра, понятно, думает, сбрендила старая, вот и мерещится. Сказала врачу. Тот вызвал психиатра на консультацию. Ну это тоже врач такой, который мозги лечит. Он, короче, пришёл, с бабулькой побеседовал, потом выходит, сестре отдаёт карту. Ну это куда записывают, чем болеешь и чем лечить. Сестра открывает, читает: при осмотре больной в тумбочке у кровати выявлена мышь, одна штука, откормленная. Рекомендованное лечение: вызвать дератизаторов...

Потом ещё что-то рассказываю. И другие ребята тоже. Хочем все вместе, я уже не разбираю, кто на каком языке говорит, просто рыдаю, рожей на столе. Хорошо хоть Тирбиш тарелку у меня забрал. К счастью, кажется, остальные тоже слишком увлечены травлей баек, чтобы замечать, что я что-то понимаю, чего не должна. Господи, ну меня и колбасит. Уже вся слезами истекла, третья салфетка идёт. Хохочу как обкуренная. Видимо, стресс выходит. Голова ватная, руки дрожат. Хорошо, что не ела почти, а то ещё сплехело бы...

При помощи Тирбиша и Эцагана доплетаюсь до каюты. Я бы и одним Тирбишем обошлась, но он же стесняется меня трогать! По этому поводу я хохотала ещё минуты три, пока он не решил, что меня уже пора уносить.

– Вы извините, ребят, – говорю заплетающимся языком. – Меня что-то жестоко колбасит сегодня.

– Вы просто вчера перенервничали, – успокаивает меня

Эцаган. – Ничего, поспите, и всё будет хорошо.

Уложили меня на кровать, пожелали спокойной ночи и ушли. Я отрубаясь мгновенно.

Просыпаюсь в ночи. Чувствую, что-то не так. Кто-то у меня в комнате. Неуклюжей рукой протираю глаза: ого, Алтонгирел. Что он тут забыл? Стоит, смотрит в иллюминатор, там опять зима. Я же выключала! Может, правда, он включил? Это что, и есть его страшная месть?

Оборачивается ко мне, глаза закрыты, губы поджал... нет, погодите... не поджал, а как будто кожа срослась, и нет никакого рта... и глаза такие же. Ой, мама! Это что ж за симптом?!

Погоди, подруга, это, наверное, просто розыгрыш. Маска или что-то такое. Напугать меня решил. Идиот. Тянет ко мне руки, я отодвигаюсь. Тянет дальше. Ну всё уже, на всю длину вытянул, хватит! Кончики его пальцев лопаются, из них выезжают кости и продолжают приближаться ко мне, закапывая кровью одеяло. Я вскакиваю, отбегаю на другой конец кровати. Бляха-муха, а это он как сделал?!

Стена у меня за спиной внезапно исчезает, еле успеваю отшатнуться. Там открытый космос. Из меня выжимается весь воздух, я не могу дышать. Мимо проплывает искорёженное заиндевевшее тело Кирилла. Я бы закричала, но не могу ведь!

Выскакиваю за дверь, она герметичная. Тут можно по-

дышать. В коридоре тусуется толпа первобытных людей с каменными топорами, при виде меня они начинают обливаться. Самый большой из них поверх криво обрезанной шкуры носит галстук, концом которого он вытирает слюни.

И тут всё взрывается, я падаю, но провалиться сквозь пол не могу, потому что меня нет в списках. Зажимаю глаза и уши. Ничего не происходит.

Осторожно открываю один глаз: надо мной на коленях стоит Алтонгирел с каменным ножом. Замахивается. Я снова зажимаюсь, но удара не следует.

Постепенно просыпается сознание. Ради эксперимента открываю глаза ещё раз: весь пол усыпан трупами детей, у дальней стены стоит Сашка с пулемётом и безумной улыбкой.

Так. За ужином меня колбасило. Потом я сколько-то спала, а теперь у меня глюки. Похоже на какой-то психодизлептик. Эйфория – отключка – делирий. Галлюцинации визуальные и слуховые. Галлюциноген мог быть в чае, потому и вкус был такой мерзкий. Повезло, что я сейчас действительно нормально соображаю, хоть и не могу полагаться на то, что вижу. Мне нужно промыть желудок и хорошо бы антидот вколоть, но не факт, что он есть в мешке, да и я не рискну в таком состоянии браться за шприц. Сорбент бы нащупать...

Несмотря на зажатые уши, вздрагиваю от чудовищного воя, произвольно оборачиваюсь – зря, зато теперь знаю, как выглядит бэнши. Плохо только, что она так похожа на

маму. Отворачиваюсь.

Так, пока у меня просветление, мне нужно, чтобы мне помогли найти лекарства. Я не знаю, сколько я приняла этой дряни, поэтому не могу предсказать, когда кончатся глюки. Возможно, через несколько часов. А поскольку я была в отвратном настроении, когда принимала, то глюки у меня будут исключительно кошмарные. К тому же я могу сама себе навредить случайно. Статистика самоубийств под психодизлептиками... Так, не будем о грустном, вот уже и стены порастают ядовитыми грибами, а глюки запросто могут мне дать соматическую симптоматику... Мне нужно срочно кого-то найти.

Я лежу на полу перед своей каютой. По идее, за спиной у меня кухня, а спереди гостиная. Из гостиной я знаю, как найти каюту Азамата. Где все остальные, я без понятия. Ладно, объясняться буду после детоксикации, а пока что аккуратно встали и пошли.

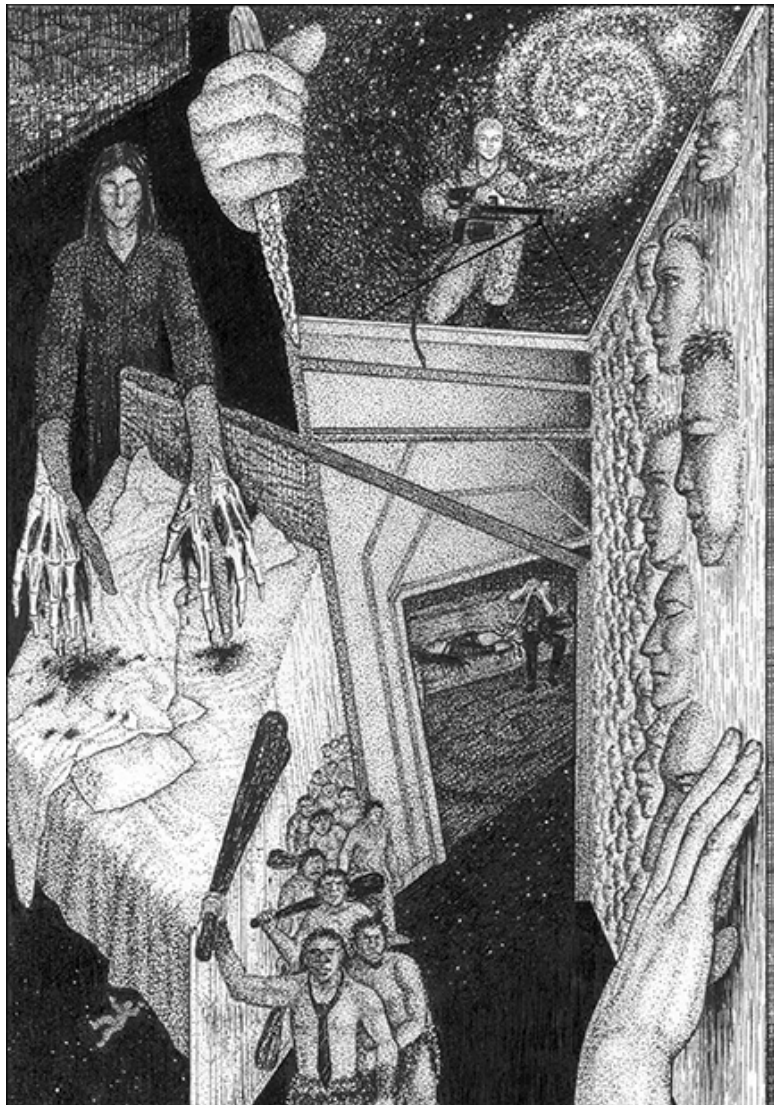
Приходится придерживаться за стену и буквально ползти по ней, потому что сейчас я запросто могу развернуться и пойти в другую сторону, не заметив, да и вообще не очень понимаю – вот это уже пол или ещё воздух? На стене растёт всякая склизкая дрянь, но меня этим не проберёшь, я знаю, что это глюки. Ну вот, допросилась, теперь из стены торчат лица. Кусаются, гады! Но глюкам главное не верить, а то как бы на осязание не перекинулись.

Навстречу попадается Тирбиш, из носа у него висит змея.

Протягиваю руку, щупаю его: нет, глюк. Идём дальше. Одна из кают открыта, освещена. Там сидят Дюпониha с Квиггли и обсуждают безопасность. Куски обгорелой плоти болтаются при движениях. Чего теперь-то обсуждать, думаю.

Эй, нет. Не хватало только ясность мысли утратить.

Доплетаюсь до гостиной. Во рту пересохло безбожно. На диване лежит Алтонгирел со вспоротым животом, рядом сидит Эцаган и накручивает его кишки на бигуди. Знаю, что глюк, даже проверять не буду.

На ощупь считаю двери – конечно, как только понадобилось отсчитать, я их сразу стала видеть тыщами, ну или совсем ни одной. Ну да ничего, руки вы мне не заморочите. Тем более что у капитана дверь не запирается. А вот и она.

Захожу, зачем-то задвигая дверь за собой. Вижу Азамата, он вроде как спит, одеяло сбилось, подушку только что не надел на голову. Лица не вижу, но это и к лучшему в нынешнем состоянии. Так, теперь надо проверить, что он не глюк. Подхожу, трогаю его за плечо. Вроде и правда человек лежит. Смещаю руку пониже, на рёбра. Ага, дышит. Залезаю на кровать, начинаю его расталкивать.

– Азамат! Помоги! У меня галлюцинации! Мне нужно найти лекарство.

Бормочет что-то невнятно, не просыпается. А может, это я не вижу и не слышу. Внезапно кладёт руку мне под мышку, пригибает к кровати, я падаю. Прижимает к себе, накрывает одеялом.

– *Всё хорошо*, – говорит почему-то по-муданжски. – *Всё хорошо, тебе просто приснилось. Я с тобой. Спи.*

Больше ничего не помню.

Глава 7 В которой лечатся и калечатся

Просыпаюсь оттого, что жарко. Рядом, не иначе, печка. Нет, оно дышит. Вот вдох пошёл, долгий, глубокий. Слышу, как расправляются лёгкие. Господи, кто же это такой огромный? Может, мне снится, что я маленькая у мамы под боком сплю? Ладно, кто бы ни был этот большой зверь, я знаю, что он добрый. Он потерпит, если я ещё поваляюсь. Только уж очень греет. Оказывается, я отвыкла спать не одна.

Укладываюсь поудобнее, утыкаюсь лицом в тёплый бок. Или это не бок... Поди разбери. Нет, это, наверное, грудная клетка, потому что сердце слышно. Ого, как стучит. Часто-вато для такого большого существа. Может, большой зверь сердится, что я не даю ему встать? Ладно, чувствую, пора просыпаться.

Зеваю, потягиваюсь, продираю глаза. Странно, обычно я помню, где засыпала, даже спяну. А спяну, похоже, и было, судя по сушняку. И голова немного кружится. Атас.

Слева от меня кто-то лежит. Медленно поворачиваю голову вверх, чтобы посмотреть, кто. С того конца на меня квадратными глазами взирает Азамат. А что, собственно... О-о-о-ой, да, вспомина-а-а-аю!

Вовремя соображаю, что подскакивать и шарахаться не

стоит – голова закружится, а может и стошнить. Он не оценит.

– Привет, – говорю. Язык нифига не слушается. – Я тебе не очень помешала?

Молча мотает головой, волосы на лицо падают. Он с распущенными спит? И не путаются?

– У тебя чего-нибудь попить нету?

Всё так же молча берёт с тумбочки позади себя бутылочку минералки. Господи, Азамат, кто скажет, что ты не прекрасен, – рыло начищу!

Пью, сколько могу за один присест. Потом дышу. Голова кружится.

– Можно узнать, как вы тут оказались? – спрашивает он слегка не своим голосом. Или это у меня всё ещё глюки?

– А ты не помнишь? – говорю. Кажется, он бледнеет.

– Боюсь, что нет.

– Я отравилась галлюциногенами, – говорю. – Пришла попросить тебя помочь мне найти лекарство, потому что сама видела всякий бред, не смогла бы прочитать этикетку.

– И... почему вы меня не разбудили?

– Мне казалось, что разбудила.

– А я что-то сказал?

– Да. Что всё будет хорошо и что мне всё приснилось. А потом я отрубилась. Ты правда не помнишь?

– Нет.

Садится, трёт лицо руками. Пижама на нём тёмно-зелё-

ная в обтяжку, рукава длинные, вырез к шее вплотную. Как в этом спать можно – не знаю. Зато какая талия... Под курткой-то не видно. Буду для мамы фотографировать, надо будет с него куртку ободрать. Так, хватит о чуши думать. Мне всё ещё нужно лечиться, все-таки и рецидив возможен.

– Знаете, это могло случиться, – говорит.

– Что? – не понимаю я.

– Что я говорил во сне. У меня младший брат в детстве страдал кошмарами, приходил ко мне в комнату чуть не каждую ночь. Я привык его успокаивать, не просыпаясь. Видимо, привычка сработала.

Начинаю ржать, хотя мне это сейчас совсем не показано.

– Извини, – хрюкаю. – Мне всё ещё нехорошо, хотя, по крайней мере, глюков не ловлю. Ты не можешь со мной сходиться, проследить, чтобы я ничего не перепутала?

Смотрит на часы, там шесть утра.

– Хорошо, – говорит. Встаёт, надвигает тапки. Ступни у него узкие, пальцы длинные. Вообще, жутко красивый мужик был до ожога. Да и сейчас, в общем-то... А какие волосы – это вообще чума! Распущенные-то они ещё в половину длиннее, жёсткие, блестящие. Хорошо, что мне так плохо.

Плетусь за ним босиком. Интересно, почему меня отпустило, когда он меня обнял? То есть если отместить романтическое объяснение как неорганизованное. Может, конечно, просто доза такая была, что вот ровно настолько хватило.

– А как вы отравились? – спрашивает. Хотела бы я знать.

– Точно не знаю, но у меня с собой психодизлептиков нет, так что я не могла их принять по ошибке. Я вообще вчера никаких таблеток не пила. А действуют они почти сразу. Какая я была вчера за ужином, ты, наверное, заметил. Запомни на будущее, это симптом, называется эйфория.

– Вы думаете, за ужином вас кто-то отравил?

– Не хочу никого обвинять...

– Ну да, – поджимает губы. Кажется, подозреваемый у нас один и тот же.

Доходим до моей каюты, дверь настежь, постель вся наизнанку, тапки кверху брюхом валяются, какдохлая рыба. Нетвёрдыми руками роюсь в мешке. Так, вот что-то похожее. И вроде бы написано всё правильно. Сую Азамату прочитать – да, он родимый. Ага, глядите-ка, в мешке есть мой антидот. Прекрасно! Ещё бы шприцом в баночку попасть... Показываю шприц Азамату.

– Посмотри, сверху пузырьки не плавают?

Смотрит на шприц, хмурится неуверенно. Не видел, что ли, никогда?

– Нет, не плавают... Лиза, что вы собираетесь с этим делать?

– Колоться, что ж ещё. Не волнуйся, это обычная процедура, несложная и неопасная.

Так, ну в плечо самой себе неудобно, тем более с моей нынешней координацией. Значит, в бедро. Хорошо, что штаны широкие, можно закатать по самое некуда.

– Дай йодовые салфетки, пожалуйста. Вон та пачка.

Наблюдает с тревогой, как я размазываю яркий стерилизующий раствор.

– Намечаете мишень?

Фыркаю.

– Вообще-то стерилизую, но наметить – тоже полезно. Смотри, если промахнусь, хватай за руки.

Но не промахиваюсь. Больно, блин. Ладно, уже всё. Отдаю ему шприц.

– Выкинь, пожалуйста.

Смотрит недоумённо, но слушается. Я откидываюсь на кровать, где сидела. Ноги остаются стоять рядом с кроватью, даже штанину не раскатала. Наверное, это не очень прилично выглядит, но мне всё глубоко пофигу. Ох, нет, не всё, потому что меня мутит. Едва успеваю закрыться в ванной, когда накрывает. Ну что ж, это как раз хорошо. Напиваюсь воды из-под крана, благо дистиллят, и через минуту меня выворачивает ещё раз. Интересно, дверь ванной звуконепроницаемая? Ладно, кажется, отпустило. Выпадаю обратно в комнату, Азамат стоит с совершенно потерянным видом – куда бежать, кого спасать?

– Вам... что-нибудь ещё нужно?

Я снова падаю на край кровати и начинаю потихоньку отъезжать. Он наклоняется надо мной, грива его шикарная по обеим сторонам висит. Улыбаюсь – наверное, выгляжу совсем безумно.

– Мне нужно ещё поспать. Если нетрудно, принеси воды... Сушняк дикий.

– Сейчас принесу, – кивает. Немного колеблется, потом всё-таки сгребает меня и без видимых усилий перекладывает на кровать целиком, пледиком накрывает. Подоткни, и я заплачу.

– Передай Алтонгирелу, что он мне примерещился без глаз и рта, – бормочу мстительно. И отрубаясь.

Просыпаюсь и первым делом выглахтываю полуторалитровую бутылку минералки, стоящую на тумбочке у кровати. Мысленно произношу тост за здоровье капитана. Снова закрываю глаза и сосредотачиваюсь на ощущениях. Ничего, жить буду. Собственно, помимо некоторой вязкости в голове, никаких ощущений и нет. Так что можно, пожалуй, выползти из койки и пойти взглянуть на мир, потому что спать я уже больше не могу.

Я так со вчерашнего вечера и не разделась, как пришла с ужина в некондиции. Пожалуй, пора, да и сполоснуться не помешает после всей этой химии.

После душа напяливаю снова свои штаны, а сверху – высушенную блузку, одну из двух, что были у меня в багаже. Выгляжу почти парадно, даже кругов под глазами нет. И чувствую в себе силы на свершения – небольшие, правда. Например, дойти до кухни ещё чего-нибудь попить.

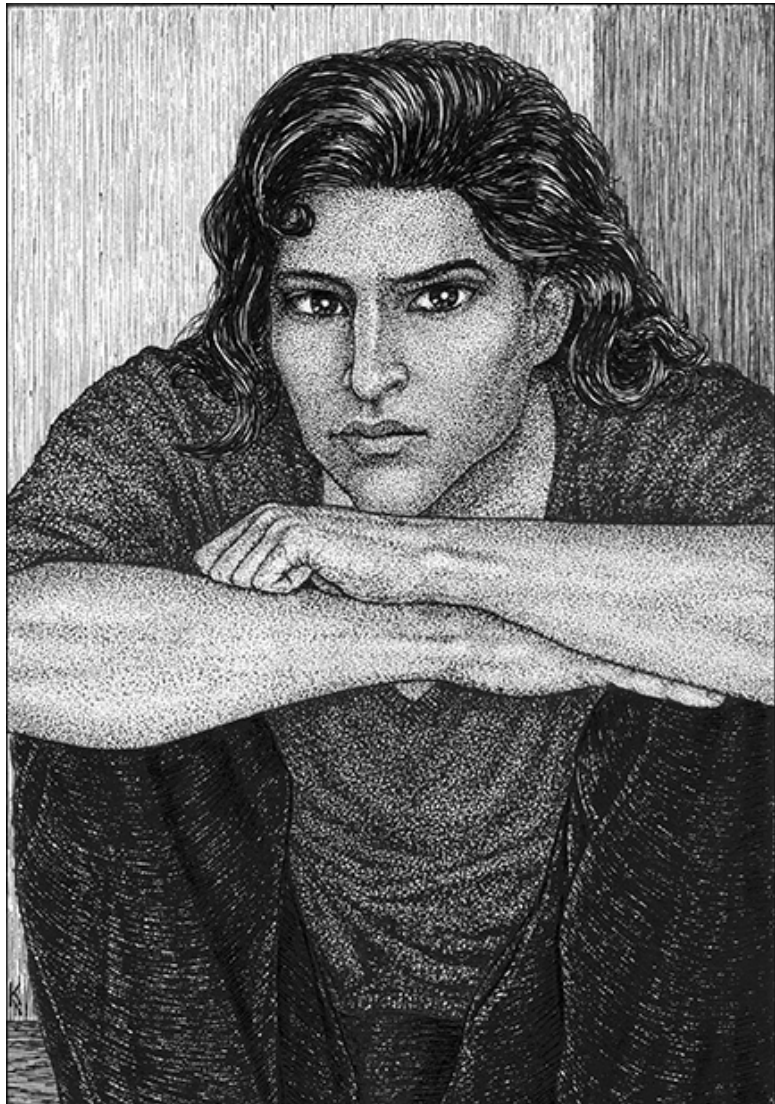
Добредаю, начинаю шуровать на предмет чая. Водогрей-

ка-то горячая, но это ж ещё надо найти, где они прячут тот мешок, и куда мою кружечку убрали, и где опять большие пиалы.

– Вам помочь?

Подпрыгиваю. Кто здесь?!

Оказывается, Эцаган. Сидит в дальнем углу на лавке, слившись с местностью, колени к подбородку, вид мрачный.

– Я чай ищу, – говорю растерянно. Похоже, сорвала человеку сеанс хандры.

– В нижней тумбочке справа от вас, – указывает, потом пристраивает лоб на коленях, прямо-таки буквально замыкаясь в себе. Ладно, не моё дело... Нахожу свой мешок, завариваю, подумываю, не свалить ли, чтобы человеку на нервы не действовать. Конечно, если ему одиночества охота, почему бы не пойти в свою каюту? Туда точно никого постороннего не принесёт. Впрочем, время позднее, ужин уже прошёл, можно ожидать, что и в столовой никого не будет. Наливаю чай.

– Ой, – слышу из угла. Эцаган вскакивает, выбирается из-за стола, идёт ко мне. – Что-то я совсем забылся. Давайте я вам налью и пиалу нормальную дам...

– А эта чем плоха? – размешиваю сахар, уже предвкушая, как я сейчас выдую эти пол-литра счастья.

– Ну нехорошо ведь такую большую... Невежливо получается.

– А маленькую – вежливо?

– Ну да, она ведь быстро кончается, нужно всё время подливать.

Ах да, что-то я такое слышала про чей-то этикет, что гостю надо давать маленькую чашку, чтобы всё время за ним ухаживать, а большая значит «пей и уходи».

– Так вот почему капитан так хохотал, когда я сказала,

что единственное, что меня не устраивает в этой пиале, это отсутствие ручки.

Эцаган фыркает:

– Да уж, я себе представляю. Ну давайте я...

– Не надо. В мелкой посуде остывает мгновенно, а я люблю горячий. А ещё я очень не люблю суету за столом. А поскольку я сегодня болею, то имею право не подстраиваться под ваш этикет. Придётся тебе немножко почувствовать себя плохим хозяином, зато я с удовольствием чаю попою.

Ржёт. Вообще, эти танцы вокруг чая мне уже изрядно надоели. Какая, понимаешь, великая межкультурная проблема!

Сажусь за ближайший стол, осторожно отпиваю. Господи, какой кайф.

Эцаган пристраивается напротив, снова приобретая меланхоличный вид. Хорошо, что меня не интересуют юноши на десять лет меня младше, а то ведь такой романтичный герой-любовник...

– Жизнь – стерва? – спрашиваю осторожно. Сама ненавижу, когда пристают, что у меня стряслось.

– Да нет, в общем, так... по мелочи. Алтонгирел с капитаном поругался, а он от этого всегда становится совершенно невыносим.

Можно подумать, всё остальное время он просто пусечка.

– Боюсь, что это из-за меня, – говорю покаянно, хотя на самом деле не боюсь, а надеюсь. Что Азамат уже наконец

вправил этому козлу мозги.

– Да уж знаю, – хмыкает Эцаган. – Уже весь корабль слышан, они так орали... Надо же было додуматься, подсыпать вам этой дряни. Можно было догадаться, что на вас не так подействует, как на нас, если вы от гармарры засыпаете.

– А какого эффекта он ожидал? – поднимаю бровь. Это что было, отворотное зелье?

– Ну, вообще эту штуку пьют, когда нужно понять, что за люди тебя окружают. Потому что от неё видишь главные черты окружающих... как бы... ярче. Причём на нас-то она действует сразу, ненадолго и без последствий.

– То есть это он мне пытался обеспечить интенсивное знакомство с коллективом? – хмыкаю, вспоминая свои глюки в гостинной.

– Нет, он просто хотел, чтобы вам стало неприятно находиться рядом с капитаном.

Слегка впечатываю ладонь себе в физиономию и позволяю ей стечь.

– Слушай, ты можешь мне объяснить, почему его так волнует моё общение с Азаматом? Я уже не знаю, что и думать.

Эцаган невнятно пожимает плечами.

– Они друзья.

– Это теперь так называется? А ведёт он себя так, как будто они как минимум женаты!

Ой, зря я это сказала... Конечно, я больная, мне можно, но что-то мой собеседник нехорошо в лице переменялся.

– То есть... я ничего не хочу сказать... – начинаю мямлить.

– Алтонгирел мне не изменяет, тем более что Азамат натурал! – возмущённо выпаливает Эцаган.

Если вычеркнуть все непечатные выражения, которые я подумала в свой собственный адрес, останется, что я икнула.

– Прости, – говорю, – я не хотела тебя обидеть.

Снова икаю и утыкаюсь в чай. Эцаган вздыхает.

– Ладно, я понимаю, что после того, как он вас отравил, можно о нём что угодно подумать. Но с Азаматом они действительно просто друзья, почти братья даже. Алтонгирел – ровесник младшего брата капитана, они в детстве играли вместе. Тем более что у Алтонгирела родители рано умерли, так Азамат его читать учил!

– Хорошо-хорошо, я верю! – тараторю. – Я вообще тут ни про кого ничего не знаю и понять не могу, чего он ко мне прицепился... Это просто так выглядит...

Эцаган фыркает, мотает головой. Кажется, простил.

– Да уж, могу себе представить. Но он просто боится, что капитану будет... трудно с вами расстаться.

– Да, это, конечно, причина, чтобы меня бить и травить, – делаю длинное лицо.

– Есть вещи, которые очень трудно объяснить, – вздыхает Эцаган. – Алтонгирел, конечно, не всегда разумно поступает. Но он хороший человек.

Некоторое время сидим молча, я вожу пальцем по краю

пиалы, но она не звенит.

– А сколько лет Азамату? – спрашиваю для шума.

– Тридцать девять, а что?

– Ничего, так, просто интересно. По нему трудно сказать.

Собственно, он, пожалуй, выглядит постарше, ну так и жизнь у него была не сахар.

– Да уж, – кивает Эцаган. – Я вообще поражаюсь, как вы его терпите. Меня Алтонгирел три месяца уговаривал вступить в команду, после того как я капитана впервые увидел. Вы чего?

Видимо, у меня на лице что-то изобразилось помимо воли.

– Да так, знаешь, – поджимаю губы. – Он как бы не виноват, что с ним такое случилось.

– Какая разница, виноват или нет? Он просто урод, и смотреть на него противно, вот и всё.

– А-а тебе не кажется, что так говорить несколько невежливо?..

– Но я же не хочу его обидеть! – удивляется Эцаган. – Это просто факт. Вот у вас глаза синие – это ведь вас не обижает?

– То, что у меня глаза синие, это объективная реальность. А то, что ты про Азамата говоришь, это твоё отношение.

– Почему только моё? Спросите кого угодно, все скажут, что он урод. Да и вообще, вы сами не видите, что ли?

Вздыхаю.

– А как ему вообще удалось собрать команду и стать ка-

питаном, если все его считают уродом? Я ведь так понимаю, у вас это очень важный параметр.

Эцаган усмехается, встряхивая головой.

– Да у нас такая команда, нам всё нипочём. Кроме меня, Тирбиша и пилотов, тут все воины высшего разряда. Взять хотя бы Ирнчина – он дюжину кораблей сменил, прежде чем сюда попасть. А что, говорит, делать, если капитан идиот и в безопасности ничего не понимает? Азамат хоть страшный, но с ним спокойно как-то, можешь быть уверен, что он всё предусмотрит. И проблемы решает полюбовно. А то я вот к одному капитану пришёл наниматься, а он мне: постригись. Ну ага, побежал! Азамат-то ничего такого не требует, – Эцаган демонстративно намотал локон на палец. Потом вдруг глаза у него загорелись: – А знаете, как он круто дерётся? И нас учит, чтоб не раскисали тут в четырёх стенах. Некоторые ради этого тут работают. У других свои проблемы, вон, Орвой – тоже пугало, его особенно и не берут никуда, а если подумать, снайпер-то он каких поискать. Тирбишу нравится, что Азамат не нарушает законов принципиально. Тирбиш, он такой положительный парень, а наёмничает, чтобы семью поддерживать, тут платят лучше, чем на планете. Короче, как капитану Азамату просто цены нет, жалко, конечно, что он выглядит так отвратно, но уж что тут сделаешь... Судьба.

– То есть ты в принципе допускаешь, что человек может быть хорошим профессионалом и заслуживать уважения с

любой внешностью? – уточняю я.

– Профессионалом – конечно, – соглашается Эцаган. – Особенно в космосе. На планете-то считается, если урод, значит, у богов не в чести, но тут богов нет, так что это не так важно. А вот насчёт уважения... – он мнётся, подбирая слова. – Одно дело уважать его приказы, когда работаешь. Всё-таки его корабль и он платит, и вообще во время операции послушаться капитана – это тебя потом ни в одну команду не возьмут. Но чтобы я ещё следил, как я там о нём говорю со знакомыми... это уже ни в какие ворота. Как его можно уважать, если на него смотреть противно? Он же такой страшный, что на человека мало похож, с тем же успехом можно уважать... не знаю, компьютер! – он хмурится и смотрит на меня немного высокомерно, как будто предлагает попробовать ему возразить.

Пожалуй, пора это всё прекращать, пока я не озверела окончательно от такой морали. Миссионер из меня никакой. И полемизировать я не умею. Боюсь, что если уж сам Азамат не смог их убедить, что он достоин уважения, я уж точно не справлюсь. Грустно это всё.

– Что-то у нас с тобой сегодня беседа не выходит, – говорю. – Только настроение друг другу портим.

– Спать надо идти потому что, – говорит, вставая. – Поздно уже.

Я-то сейчас точно не засну, но решаю вернуться в каюту. Вроде сушняк отпустил. Сажусь на кровать, провязываю два

ряда – и просыпаюсь утром.

Глава 8 В которой всех укладывают спать

Просыпаюсь, заметьте, голодная на совесть. Придётся немедленно идти встречаться с обществом. Где там Тирбишевы йогурты? .

Едва выхожу из каюты, слышу скандал со стороны гостиной. Кажется, участников больше, чем двое. Не моё дело, конечно... Но всё равно плетусь туда посмотреть, что стряслось. У меня с утра инстинкт самосохранения плохо работает, да.

Глазам моим предстаёт эпическая картина. Вся команда с тоскливым видом жмётся по углам холла, в центре стоят Азамат и Гонд. Первого я вижу только со спины, а вот Гонд сизо-бледный и слегка трясётся. И руку левую держит, как будто сломана.

– ... *сказать мне!* – гремит Азамат. – *Правила написаны, чтобы их выполнять!*

Гонд что-то невнятное мямлит в ответ. Рядом на диване, сгорбившись, сидит Алтонгирел с видом покойника, смотрит в одну точку. Ох, что-то мне стрёмно...

Оглядываюсь, замечаю в сторонке понурого Тирбиша. Тихонько прокрадываюсь к нему.

– Что случилось? – шепчу. Он вздрагивает, но никто не

оборачивается.

– Ночью Гонд был на вахте, засёк джингошский корабль. И они вместе с Эцаганом выдвинулись его штурмовать.

Мямление Гонда наконец обретает смысл:

– *Я шёл к вам, встретил его в коридоре, он сказал выгнать шаттл... Я не мог не выполнить команду.*

– *Ты был обязан сказать мне!!*

– Ну вот, – продолжает Тирбиш. – Корабль-то они взяли...

И замолкает как-то подозрительно. Судя по тому, что Азамат выволакивает Гонда, а Эцагана в комнате нет... О господи!

– Он что, убит?!

– Ранен, – говорит Тирбиш так, как будто это ещё хуже.

– Где он?

– У себя в каюте.

– Пошли.

Решительно тяну его за рукав. Могли бы меня и разбудить, идиоты! Но Эцаган тоже хорош, что за пубертатные выходки? Мало им было, что они на нашем корабле двоих потеряли. Надо теперь, чтобы я ещё себя виноватой почувствовала, что он в дурном настроении был вчера?! Обойдётся!

Дверь в каюту Эцагана приоткрыта, Тирбиш остаётся снаружи, а я захожу и обомлеваю. Бедолага лежит на кровати, по всей видимости, без сознания, всё лицо залито кровью, поперёк лба широкая борозда.

О боже. Ещё бы Азамат не бушевал. Разворачиваюсь на

пятках и мчусь к себе в каюту за мешком, едва не сшибая ошарашенного Тирбиша.

Возвращаюсь так же бегом, распахиваю дверь. Тирбиш всё ещё стоит рядом.

– Заходи, будешь ассистировать!

– Но... я...

– ВНУТРЬ!

Заходит, я вытряхиваю всё из мешка на стол, выхватываю необходимое.

– На, возьми, намочи, протри ему лицо, чтобы видно было, где повреждено. Ну!

Со второго пинка Тирбиш стартует в ванную. Вот самое время нашёл для своих предрассудков. Я тем временем оглядываю Эцагана в прочих местах и обнаруживаю несколько ранений в живот. Кровать уже вся кровью пропиталась, ещё бы он был в сознании! Пульс, однако, ещё вполне приличный. Обдираю с него лишнюю одежду и сомнительные бинты, кидаюсь осматривать внутренние повреждения.

Ещё в прошлом веке один китайский гений сварганил портативный сканер. Они любят всё комбинировать... Так вот, он может шестью разными способами снимать изображение с человеческого нутра. При большом желании и хорошей настройке им можно даже сквозь стены смотреть. А так – палочка с катушим шариком на конце да экранчик. Как люди без этой штуки раньше жили, не представляю.

Так, задеты в основном кишки и соединительные ткани.

К счастью, большая часть ранений нанесена лазером, а он заваривает рану, так что почти нет опасности заражения. К сожалению, открытые тоже есть, придётся промывать. Тирбиш неуклюже приступает к выполнению команды. Где мои спазмолитики-анальгетики?..

Как же я рада, что взяла всё это с собой! И мою любимую машинку для заваривания швов. Её изобрели уже на моей памяти. Если на ткань в месте разреза нагрузка небольшая, то можно как бы склеить края обратно вместе, и всего через пару дней будет как раньше. И никаких тебе швов, вообще никаких следов. Кому-то тут сильно повезло, что у меня есть моя машинка.

Тирбиш на мои манипуляции не смотрит, отвернулся.

– Я вам ещё нужен? – блеет.

– С химическими весами обращаться умеешь? – спрашиваю, заклеивая Эцагану физиономию. Машинка – машинкой, а контакт с внешней средой лучше пока минимизировать.

– Да, конечно.

Как удобно жить, когда все вокруг технически подкованные! Правда, если бы у меня была искусственная кровь, было бы ещё удобнее. Или хотя бы готовый физраствор... Хорошо хоть нас в колледже натаскали обходиться бытовыми средствами вместо фирменных смесей и прочих достижений цивилизации. Понимают, что в космосе может и не быть под рукой модных медицинских новинок.

– Вот тебе чистый натрий-хлор, – протягиваю Тирбишу баночку. – Разведи ноль девять в дистилляте и подогрей половину до тридцати семи градусов. Справишься?

– Да, а сколько литров?

– Давай пока парочку... на всякий. И – ты понимаешь, что такое «стерильно»?

Он кивает, хватает соль и весы и счастливо уносится прочь от вида «изуродованного» Эцагана... Тоже мне, блин, наёмники! Девки нервные! Азамат, правда, Гонду что-то там вкручивал про «без шлема». То есть, наверное, обычно они какой-то доспех надевают, когда драка предстоит. В таком случае Эцаган у нас дважды герой. Очнётся – отшлѐпаю.

Через пару минут возвращается Тирбиш с двумя флягами физраствора. С интересом наблюдает, как я втыкаю иглу. Похоже, тоже никогда шприца не видел. Хорошо хоть под руки не лезет.

Со внутренними травмами куча возни: сначала всё промыть нежно, тёпленьким растворчиком, кишки все просмотреть детально, а это несколько метров, отсосать всю дрянь, зашить, а где приварено лазером – расклеить... Упариваюсь конкретно, хорошо хоть сканер подсвечивает повреждения. Ну вот, наконец с этим покончено. Ставлю отсос, ввожу антибиотики.

Теперь что у него там с лицом?

С лицом всё не так плохо, ранка-то, собственно, одна, и та легко закрывается после дезинфекции. Нет, мой завари-

ватель швов – великая вещь. Жаль, её не было у того, кто зашивал Азамата...

Ну вот, пациент стабилизирован. Пульс почти нормальный, зрачки на свет реагируют. Скоро должен очнуться. Надеваю ему на запястье пульсометр – запишит, если что.

– Всё? – осторожно спрашивает Тирбиш.

– Ну да, – вздыхаю удовлетворённо. – Теперь ждём, когда очнётся и что расскажет. Пока больше симптомов нет.

Тирбиш кивает, как будто понял. Впрочем, скорее, он реагирует на мой спокойный тон. Мы слегка прибираемся, он выливает отходы производства, я собираю свои причиндалы обратно в мешок от греха. Вид обрезков кишок у Тирбиша отвращения не вызывает, видимо, царапина на лице гораздо противнее.

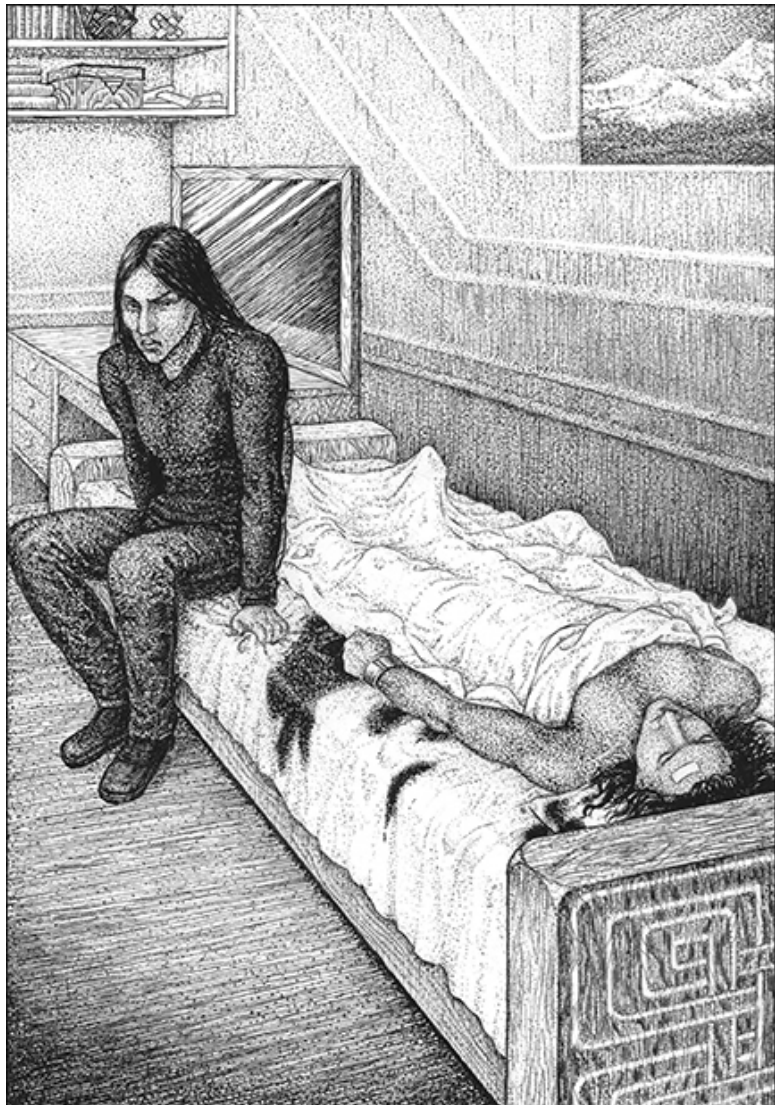
Я уже открываю рот попросить его посидеть тут, присмотреть за больным, когда дверь вдруг распахивается и входят Азамат с Алтонгирелом. Азамат такой мрачный, что аж лицо потемнело, не знаю уж, как это возможно. Алтонгирел, наоборот, серовато-бледный, глаза пустые и как будто даже отошал, хотя всего-то прошло несколько часов.

– Что ты тут делаешь? – спрашивает он меня, хотя и без выраженной вопросительной интонации. Видно, мозги совсем отключились, надо же, как переживает.

– Я, – говорю, – врач. Я тут лечу. Вам надо было меня сразу разбудить, когда он вернулся.

Алтонгирел никак на мои слова не реагирует, бредёт к

кровати, садится на край, почти в лужу крови, и остаётся неподвижно сидеть. Надо будет кого-нибудь запрячь поменять бельё. Алтонгирел сейчас вряд ли способен на конструктивную деятельность. Не знаю, правда, из-за чего он больше страдает: что его парень ранен и в опасности или что у него лицо повреждено. Ладно, по умолчанию выберу первый вариант, не буду сволочью.

Азамат, кажется, осознаёт, что в моих словах есть доля истины.

– Мы привыкли обходиться своими силами, – говорит. – Но я рад, что вы решили помочь. У вас есть... какие-то прогнозы?

– Да, – энергично киваю. – Причин для волнения нет. Он стабилен, скоро должен очнуться. Если кроме тех повреждений, что мне удалось обнаружить, никаких других нет, то он полностью выздоровеет.

Азамат кивает с некоторым облегчением, хотя, по-моему, он мне не верит. Ну, если у них женщины в принципе не могут быть врачами, то неудивительно, что он мне не доверяет. Ладно, погоди, сам увидишь.

Алтонгирел меня, похоже, вообще не слышит. Подхожу к нему, щёлкаю пальцами перед лицом. Конечно, я всё понимаю, у человека горе, но я ему ещё своё подпорченное здоровье не простила. Он слегка фокусирует взгляд.

– Если он очнётся, позови меня. Я буду в кухне. И если вот эта штука у него на руке запищит, тоже позови. Причём очень быстро. Это понятно?

Он открывает рот, потом передумывает и кивает. И снова отключается от внешнего мира. Поворачиваюсь к Азамату:

– Думаешь, он меня услышал?

– Да, – говорит Азамат уверенно. – Он всё сделает. Пойдёмте.

Обнаруживаю, что Тирбиш под шумок уже смылся. Не знаю уж, чем так ужасен кусочек пластыря на лбу, но зато, когда я наконец-то дохожу до кухни, там уже пахнет едой. Правильно, мальчик, мыслишь. Как говорится, если врач сыт, то и больному легче.

– Где Гонд? – спрашиваю у Азамата. Он снова мрачнеет.

– Пока что заперт у себя.

– Мне надо будет его осмотреть.

– Что? – капитан аж сощурился, как будто кислое что-то откусил.

– У него рука сломана, – говорю.

– Он сам виноват.

– Эцаган тоже сам виноват, – говорю. – Ему теперь за это умереть?

Азамат тяжело вздыхает.

– Ваше внимание плохо сочетается с наказанием.

– Наказывать будешь потом, когда я удостоверюсь, что он вне опасности.

– Ладно, – кивает. – Вы правы.

Тут Тирбиш подносит мне какие-то жареные пельмени, и я временно утрачиваю способность говорить. Азамат сидит напротив и смотрит, как я ем. И меня это даже не раздражает, не то что не смущает. Кстати, вот ведь интересно, мне кажется, что я называю его на «ты», а он меня – на «вы», хотя во всеобщем нету разницы. Это после того как я с ним в обнимку поспала. Интересно, что должно случиться, чтобы

и он на неформальный тон перешёл?

Видимо, забыв о моём присутствии, Азамат трёт лицо с той стороны, где ожоги. Ну да, я понимаю, что ты думаешь. Однако обещать тебе, что у Эцагана не будет никаких последствий на лице, я не могу, даже если уверена, что их не будет. Потому что если будут, то получится намного хуже, лучше уж сейчас понервничать.

– Он всегда переживает, если я с Алтонгирелом ссорюсь, – говорит капитан. Прекра-а-асно, давай теперь ты ещё себя во всём обвинишь.

К счастью, он не продолжает развивать мысль, хотя на лице всё написано светящимися буквами. В перерыве между двумя пельменями откладываю ложку и беру Азамата за руку, безвольно лежащую на столе. Обхватить не могу, так, сбоку прихватываю, как прищепка.

– Всё будет хорошо, – говорю. Это, конечно, ответственное заявление, но я тоже не железная.

Азамат пускает меня к Гонду и сам заходит следом. Бедный парень, похоже, решает, что вот сейчас его казнят.

– Не волнуйся, – говорю, – Эцагану тоже достанется. От меня лично.

В ответ слышу только нервное сглатывание.

Перелом у него закрытый, с небольшим смещением. Мелких осколков нет. В принципе, ничего страшного, он даже не вскрикивает, когда вправляю. Может, конечно, решил перед

капитаном продемонстрировать стоицизм, не знаю. Накладываю шину с применением куска какой-то аппаратуры, специально для этой цели найденного на складе. Азамат смотрит как замороженный. И где они были все эти века...

Напоследок капитан окидывает Гонда грозным взором, и мы выходим. Идём куда-то... Точнее, это Азамат идёт, а я за ним следом, не знаю зачем. Привычка уже, наверное. В неизвестном мне отсеке корабля навстречу нам попадается один из старших в команде, тот, что сидит за столом справа от Алтонгирела.

– *Как будем...* – начинает на муданжском, потом, покосившись на меня, переходит на всеобщий. – Как будем хоронить?..

– Кого?! – рывкаю я, не давая Азамату и слова сказать.

– Эцагана... – растерянно отвечает мужик.

– Когда он лет через семьдесят умрёт от рака прямой кишки в своей постели, это будет не ваша проблема, – говорю с некоторым нетерпением. Нет, ну можно не верить, что я хороший врач, но не до такой же степени!

Собеседник переводит озадаченный взгляд на капитана.

– Не суетись, Хранцицик, – произносит капитан, и я фыркаю совершенно неприличным хохотом прежде, чем успеваю скомандовать себе промолчать. Азамат что-то там продолжает говорить про то, что моего пациента рановато хоронить.

– Но я же сам его бинтовал, там нет шансов... – бормочет человек с чудо-именем. Это заставляет меня резко посе-

рьёзнить.

– А, так это был ты? А промыть раны или хотя бы кровь остановить тебе в голову не пришло? – напускаюсь на него. Я, может, тут и в гостях, и маленькая, и беззащитная, но когда речь идёт о моём пациенте... голову откушу только так.

– Естественно, я промыл! – возмущается он.

– Ага, с расстояния в два метра! У него всё лицо в крови было, когда я зашла!

– Ну так заново натекло! Что вы думаете, кровь ждать будет?

– Я думаю, что можно было зашить!

– На лице?!

– А что?!

– На лице нельзя зашивать! Тут уж как срастётся, у каждого своя судьба.

Очень хочется побиться головой о стенку. А лучше побить кое-кого. Больно.

– А на животе что? Тоже нельзя?

– Так раны сквозные, я же не могу внутри зашить! Ну и какой смысл...

Держите меня семеро. Иначе точно стукну.

– Значит так, – говорю, – я зашила всё. Это раз. Эцаган выживет, это два. А три – ты, хрен-цуцик, уйди с глаз моих, пока я тебе что-нибудь не пришила!

Шарахается, как от огня, в панике зыркает на капитана и, получив, видимо, разрешение, исчезает куда-то в боковой

коридор.

– Это, что ли, бортовой врач? – рычу. Нет, ну правда, ребёнок из экошколы лучше бы справился!

– Нет, у нас на борту нет целителя, – говорит Азамат, тихо стерпевший мои вопли. – Их и на Муданге-то не хватает.

– Что, муданжцы патологически неспособны врачевать? Почему нельзя обучить столько, сколько нужно? Где рыночная экономика, в конце концов?! – что-то я разбушевалась.

– Это очень долго, – пожимает плечами Азамат. – И трудная работа. Из тех, кто может получить образование, мало кто хочет всю жизнь смотреть на чужие уродства.

Хватаюсь за голову, еле сдерживаясь, чтобы не завывать в голос. Вот уроды!!!

– А что, – спокойно продолжает Азамат, – вы действительно смогли всё зашить?

– Естественно, – вздыхаю. Придётся, видимо, смириться с их варварскими представлениями. – Там проблема не столько зашить, сколько промыть как следует и найти все повреждения.

Мы начинаем куда-то идти, опять не знаю куда.

– Я уже заметил, – говорит Азамат, – что ваши целительские методы сильно отличаются от наших. Видимо, у вас они гораздо лучше развиты...

– Да уж, не без этого, – кривлюсь. – Я вот не понимаю, как вы умудрились пройти мимо всей нашей медицины. Если вы даже обычного шприца не видели... Они ведь на Земле по-

явились раньше звездолётов!

– Так у нас с Землей до самого недавнего времени не было никаких контактов... – разводит он руками.

– Ну вы же всё равно когда-то переселились с Земли на свой Муданг. Это ведь не могло произойти раньше наших первых полётов в космос!

– А вы думаете, мы когда-то жили на Земле? – удивляется капитан. Я встаю как вкопанная.

– До сих пор, – говорю неверным голосом, – наукой не зафиксировано существование разумных рас, не происходящих с Земли.

– Вот как... – говорит он и глубоко задумывается. Мы снова двигаемся в путь и успеваем дойти до угла, прежде чем он продолжает. – Что ж, вам виднее, мы-то помним свою историю всего на несколько столетий назад. Однако до сих пор я был уверен, что мы осели на Муданге примерно в двенадцатом веке по земному летоисчислению. Как я понимаю, ваши корабли появились существенно позже.

– Да уж, – говорю. – У нас в то время ещё и Америку не открыли...

И встаю как вкопанная во второй раз.

– Америку, – повторяю тупо.

– Это... какой-то регион на Земле? – хмурится капитан. – А что с ним такое?

– Просто... э-э-э... самые похожие на вас люди жили как раз там. Но мы, в смысле, европейцы... – много ему это ска-

жет, ага, – в смысле, кто наукой занимался, впервые с ними встретились в пятнадцатом веке, и то в конце.

– А теперь не живут?

– Все перемешались, – пожимаю плечами. Обойдётся без кровавых подробностей, мне пока жизнь дорога.

– Так... вы что, думаете, наши предки научились строить звездолёты задолго до ваших, а вы об этом ничего не знаете?

– Ну про них мало что известно, но ходит много всяких невероятных легенд. То есть я бы сказала, что если кто и мог такое отчудить, то это были они. Вы вон до сих пор в одиночку собрать звездолёт из подручных средств можете.

– Вы преувеличиваете, – улыбается. – У нас просто высоко ценится способность к ручному труду.

– Вот-вот, – говорю. Что-то больно красиво выходит. Только вот язык у них, по мнению всех лингвистов, родственный монгольскому. Конечно, какой там язык был у тех индейцев, я не знаю, но...

– А чем вам так не понравилось имя Хранцицика? – Азамат параллельно мне переключается на лингвистику.

Я снова ржу, просто не могу остановиться.

– Очень, – говорю, – смешно звучит на моём языке.

Азамат качает головой.

– Это значит просто «дождевой цветок», он в дождь родился.

Ну да, я даже понимаю. Можно подумать, от этого легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.